

№ 62-63

ЦЕНА 10 ЦЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

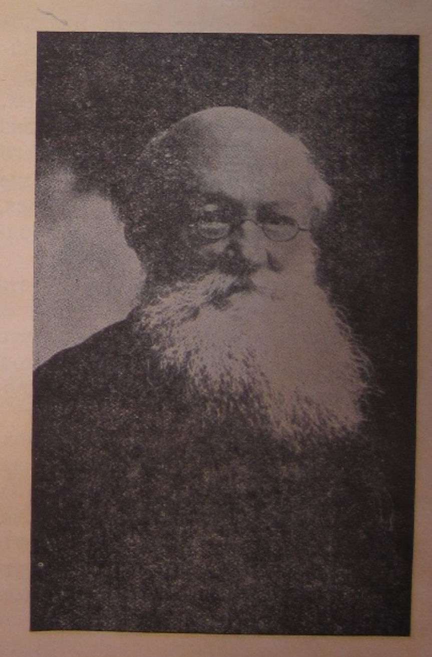
ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ 1931 г.	Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу: „DIELO TROUDA", 237 N. FAIRFIELD AVE., CHICAGO, ILL.	7-ой год издания

Петр Кропоткин.

Его влияние на международное революционное движение

Что можно сказать в маленькой статье о большом человеке?

Почти ничего или очень немного. А. П. Кропоткин, (десятилетнюю годовщину смерти которого мы отмечаем изданием большого сборника, в котором принимают участие многие видные работники международного анархического движения), — был именно таким большим человеком—гигантом мысли. И следы земного бытия этого гиганта неистребимы, их не уничтожит даже всесокрушающее время. . .

ПЕТР А. КРОПОТКИН.

1842—1921

Если имя Кропоткина, как ГЕОЛОГА, —теоретика ледникового и озерного периода, теоретика строения сибирских гор, автора теории высыхания Евразии, под влиянием которого, по его мнению, началось великое переселение народов; если его имя, как ГЕОГРАФА, открывшего истинное направление азиатских горных хребтов, давшего правильную орографию Азии, сделавшего ряд открытий в Восточной Сибири и теоретически установившего место нахождения, открытой в последствии, «Земли Франца Иосиф»; если его имя, как БИОЛОГА, как одного из глав-

нейших создателей теории взаимной помощи, как фактора прогресса, возведенной в закон природы; если его имя, как ИСТОРИКА, указавшего на огромную роль и творчество масс в историческом прогрессе и доказавшего это; одним словом, если его имя, как УЧЕНОГО, потускнеет от времени и дальнейшего прогресса науки, покроется пылью архивов и лишь время от времени будет извлекаться учеными для справок при изучении истории развития тех научных дисциплин, с которыми Кропоткин был связан, то его имя, как СОЦИАЛЬНОГО ФИЛОСОФА, как творца и обоснователя анархической социальной философии, будет гореть ярким пламенем из века в век и даже после претворения его теории в живую действительность.

Время и тление в этой области бессильны над Кропоткиным — здесь он создал себе бессмертие.

Его имя живет сейчас среди миллионов страждущих и угнетенных всего мира, а в будущем будет жить в благодарных сердцах людей свободных и равных, построивших свою общественную жизнь и личные отношения на принципах его учения. А что это будет именно так, мы не сомневаемся и не можем сомневаться, ибо влияние Кропоткина на международное революционное движение огромно.

Об этом влиянии мы и хотим сказать несколько слов.

Без преувеличения можно сказать, что на земле мало осталось таких уголков, куда бы не проникло учение П. А. Кропоткина.

В течении полувековой революционной деятельности Кропоткин неустанно будил сознание трудящихся масс, неустанно указывал всем угнетенным идеал свободного, равенственного общества и путь к этому обществу; он звал на этот путь пламенным словом, «глаголом жег сердца людей», звал к решительной битве с социальным ЗЛОМ во имя торжества социального ДОБРА. И зов его не был «гласом вопиющего в пустыне»—под знаменем анархии и коммунизма собиралась, росла и продолжает расти великая армия мозолистых рук и честно мыслящего ума, готовая ринуться в бой за свободу, счастье и «довольство для всех».

Не боясь упрека в преувеличении мы можем смело сказать, что все международное анархическое движение развивалось и продолжает развиваться под прямым или косвенным влиянием идей Кропоткина.

Кропоткин начал свою революционную карьеру в Швейцарии и Франции и его влияние в этих странах велико, особенно в последней, где некоторые из его произведений выдержали до двадцати изданий. Признание виднейших работников революционного движения Франции подтверждает наше утверждение. Так, Э. Реклю писал, когда П. Кропоткин сидел в Клеровской тюрьме: «Жизнь быстро бежит, и мы с горестью видим, как проходят недели и месяцы, в течение которых этот самый честный и гордый среди всех голос не будет услышан». Ивто писал, что «Кропоткин был дух. отцом всех нас, сторонников свободного коммунизма», а другой синдикалист, Дюмулен, говорил, что они «черпали в произведениях Кропоткина идеи свободы и равенства». В Швейцарии газета «Le-Reveil» («Пробуждение»), во главе с Бертони, до сих пор продолжает стоять на страже кропоткинских идей. Широкое анархическое движение и огромные синдикалистские союзы Италии, охватившие до 500,000 рабочих, ныне разгромлены фашистами, во главе с таким колосом, как Малатеста, ведут борьбу под знаменем кропоткинских же идей. Не менее широким и глубоким влиянием Кропоткин пользуется в Испании, и Португалии, где почва для этого влияния, как и в Италии, была подготовлена еще Бакуниным и Интернационалом. Рабочее движение этих стран организовано на принципах кропоткинского учения и борется за выставленный Кропоткиным идеал свободного общества. Тоже самое и во всей испанской Америке—от Мексики до Аргентины.

Даже в англо - саксонских странах, — Англии, Канаде, Австралии и Соединенных Штатах Северной Америки, — где очень слабо воспринимается революционный социализм, влияние Кропоткина заметно на Индустр. Рабоч. Мира, (Соединенные Штаты, Канада, Австралия), которые сложились не без влияния его идей; американские негры (Букер Вашингтон) начинают в основу воспитания класть идеи Кропоткина. В самой Англии, если идеи Кропоткина и не представлены большими организованными коллективностями, тем не менее имели и имеют влияние на общественных деятелей, деятелей тред-юнионизма, на трэд-юнионизм, гильдеизм и кооперативное движение. Вильям Морис в своей утопии «Вести Ниоткуда» описывает общественный строй, покоющийся на основах кропоткинского учения об анархии и коммунизме; Бернард Шоу высказал довольно характерное признание, он сказал: »много лет тому назад я, вместе со своими друзьями, вздумали поучить кое-чему Кропоткина, так как мы не были согласны с его теориями. Но, прошли годы, и теперь я не уверен, что мы были правы, а Кропоткин ошибался». Это очень характерно и показательно—Англия опытным путем идет к признанию идей Кропоткина.

В Германии, классической стране государственнического мышления, идеи Кропоткина совершили свое дело — там теперь свыше 30,000 организованного пролетариата идет под знаменем анархизма, больше того, там возрадилось международное товарищество Рабочих, второй революционный Интернационал рабочих союзов, положивший в основу своей программы идеи Кропоткина.

В Голландии, Швеции, Норвегии существуют сильные анархо-синдикалистские союзы, примыкающие к Интернационалу, и анархические группы, ведущие борьбу за анархию и коммунизм.

Произведения Кропоткина переведены на множество языков: на все славянские, румынский, турецкий, греческий, датский, короче говоря, на все решительно европейские языки.

Влияние его идей проникло и начинает расширятся по всей культурной Азии и Африке. В Японии анархисты и синдикалисты одно время даже назывались просто «кропоткинцами». Тоже самое наблюдается в Китае, где анархические идеи за последние 20-ть лет стали играть значительную роль, захватывая передовых рабочих, крестьян и учащуюся молодежь. В этих азиатских странах уже есть свои герои-мученики, как Котоки, его жена Суги Канно, Осуги Сакае и Ли-ши-фу.

Индия и острова Тихого океана начинают, мало по малу, воспринимать идеи кропоткинского учения об анархии и коммунизме.

Наконец, в России, на родине апостола свободы и равенства, его идеи, несмотря на царский деспотизм и государственно-коммунистический абсолютизм, глубоко укоренены и дают обильные плоды всякий раз, как только лед самовластья начинает таять.

Мы дали только грубый, схематичный набросок П. А. Кропоткина на международное революционное движение, но и из этого бесцветного наброска видно сколь огромное влияние П. Алексеевича.

Смерть не приостановила роста этого влияния, наоборот, мертвый физически Кропоткин живет духовно в своих произведениях и продолжает творить свое великое дело освобождения мира от оков государства и капитала.

Десять лет тому назад **великое сердце перестало биться—великие же мысли продолжают жить и оплодотворять человечество.**

П. Кропоткин.

(К 10-ти летней годовщине его смерти)

Всякий период в человеческой истории богат многими великими личностями, мыслителями, борцами и мучениками, пострадавшими в борьбе за великую идею освобождения порабощенного человечества от социальных цепей. Но личность П. Кропоткина занимает особое место в освободительном движении нашего времени. Его имя вызывает не только обыкновенное представление о великом человеке: оно — синоним самой прекрасной идеальной души цельного человека.

Сын великой страны — России, сын мятежного и многострадального русского народа, давшего миру таких гигантов анархической мысли, как М. Бакунин и Л. Толстой, — П. Кропоткин известен не только как анархист, но также и как ученый, применивший естественно - научный метод к последованию и разработке идей коммунистического анархизма.

Однако, разбирая идеи или учение П. Кропоткина, мы находим, что он не был основателем какой либо новой социальной системы или теории. ибо даже коммунистический анархизм, теорию которого он так прекрасно развил, был уже известен до него и до появления его учения.

Но самые главные и важные заслуги П. Кропоткина заключаются именно в том, что он был первым среди других теоретиков анархизма, научно обосновавшим наше учение. Понятно, что и до него были попытки обосновать учение анархизма, но никто из его предшественников не может сравниться с ним, ибо только ему, как человеку с богатой эрудицией, знакомому с современными науками — естествознанием, историей, социологией и философией — такая работа и могла быть по силам. И благодаря прекрасным работам и исследованиям П. Кропоткина в этой широкой области человеческого знания, анархизм был систематически и научно обоснован.

Среди многочисленных трудов П. Кропоткина, принесших ему заслуженную мировую известность, как лучшего анархического теоретика, самое важное место занимают следующие работы: «Хлеб и Воля», «Государство и его роль в истории», «Поля, фабрики и мастерские», «Взаимная помощь, как фактор эволюции» и «Этика».

Не претендуя на полноту изложения взглядов П. Кропоткина, я постараюсь вкратце коснуться лишь некоторых главных пунктов, разбираемых им в этих важнейших его работах.

В книге «Хлеб и Воля» изображается идеал того, как должна быть совершена социальная революция на началах коммунистического анархизма.

Человеческая борьба за лучшую жизнь и свободу, за хлеб и волю ведется с тех пор, как на историческую сцену появились частная собственность, как фактор угнетения, и государство, как организованное насилие. Частная собственность возникла на грабеже и насильственном присвоении того, что прежде являлось общим достоянием. Государство же есть ничто иное, как внешняя оболочка системы капиталистического хозяйства. Социальное подразделение людей породило в обществе два класса, интересы которых находятся в резком, непримиримом противоречии: с одной стороны — класс имущих, имеющий в своих руках все средства производства, все огромные богатства, накопленные трудом всего человечества, и монополизирующий все блага науки и искусства; с другой стороны — класс обездоленных, т. е. рабочих, лишенных всякой собственности и принужденных, чтобы не умирать с голоду, продавать свою единственную мускульную или рабочую силу. Чтобы положить конец этой кричащей несправедливости и добиться экономической свободы, нужно уничтожить деление общества на классы, что может осуществиться толь-

ко посредством уничтожения частной собственности.

Но для рабочего класса недостаточно одной экономической свободы: ему также нужна и свобода политическая. Из истории нам известно, что весь прогресс человечества обязан стремлению людей избавиться от всякого давлеющего над ними гнета и проявлению личной инициативы. Люди в действительности будут счастливы только тогда, когда будут удовлетворены все их нужды и потребности — экономические, политические, нравственные и умственные. И это возможно будет только тогда, когда человеческая личность окончательно освободится от тяготеющего над ней государственного гнета, ибо никакого существенного прогресса на экономическом пути невозможно достигнуть без одновременного разрушения политической организации государства.

«Государство и его роль в истории» — небольшая книжка, посвященная вопросу исторического исследования института власти — государства. В этой замечательной, хотя и небольшой работе П. Кропоткин разбирает историческое зарождение и развитие государства и доказывает многочисленными примерами, что люди жили обществами — свободными обществами — много веков до появления государства. Собственно говоря, государство, как нечто собирательное и единое, стало существовать, начиная только с шестнадцатого века, а до того времени самыми лучшими периодами в человеческой истории были именно те времена, когда жизнь свободных коммун (исторически известных вольных городов), об'единенных в федерации, не были затронуты еще нарождавшейся государственной властью. Государство на своем историческом пути никогда не играло культурной или освободительной роли, ибо оно есть орудие организованного насилия над порабощенной частью человечества. Главное назначение государства — насиловать волю и стремления людей к лучшей, свободной жизни.

Государство должно быть разрушено, ибо в противном случае, оно раздавит личность и местную жизнь; завладеет всеми областями человеческой деятельности, принесет с собою новые войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью и вызовет политические революции, сменяющие одних тиранов другими, более худшими тиранами и властителями. И на развалинах разрушенного государства возникнет тогда новая, свободная жизнь — на почве личной и групповой инициативы и вольного соглашения.

В книге «Поля, фабрики и мастерские» П. Кропоткин прекрасно показал, каким образом каждый народ, каждая коммуна в отдельности, сможет обеспечить себя, при помощи химической обработки земли, всем необходимым для жизни. Здесь исключается всякая необходимость в централизации промышленности, ибо тенденции или естественные стремления современной промышленности и техники — децентралистичны.

Во всех крупных промышленных странах замечается параллельно с новыми техническими изобретениями все возрастающее стремление и потребность в развитии у себя улучшенной обработки земли, путем усовершенствования существующих методов земледелия и развития новых мелких хозяйств. Повсюду замечается дальнейшая децентрализация промышленности. Новые освободительные народы, долгое время мало развитые в промышленности, в настоящее время стремятся развить на своей собственной территории главные отрасли производства, и таким образом освобождаются от эксплуатации других народов, опередивших их в развитии техники. И интеграция труда станет основой общего производства.

Во многих областях человеческого труда, — в земледельческой, и в промышленной, и в фабричной,—надо признать вполне доказанной ту мысль, что если только небольшая часть времени затрачиваемого теперь на обработку полей и производство продуктов, была бы уделена и постоянному улучшению земледельческих и

фабричных машин, то человеческий труд не был бы тяжелым, невольническим ярмом, а самым здоровым, приятным и свободным трудом. В течение многих тысячелетий добывание пищи было тяжелым бременем и проклятием для человечества. Но теперь надобность в подобном труде миновала. Человеческий опыт, наука и техника все больше и больше облегчает человеческий труд. И не далеко уже то время, когда человек, во многом победивший природные силы, перестанет быть придатком к машине и, добившись освобождения, станет полным и свободным хозяином жизни.

В книге «Взаимная помощь, как фактор эволюции» П. Кропоткин изобразил прекрасную и грандиозную философию солидарности, философию, не рожденную в кабинете ученого, но естественно порожденную самой жизнью, жизнью всех живых, органических существ в мире, начиная насекомыми и кончая человеком. В этой книге не только отрицается односторонняя теория Дарвина — «Борьба за существование», но дарвинизм значительно пополняется новым этическим фактором — взаимной помощью, основанной на фактах и научных исследованиях природы. Приведенные примеры указывают на то, что практикование взаимной помощи и солидарности не только облегчает существование или жизнь людей, но оно также развивает моральные, нравственные чувства и интеллигентность отдельных индивидов, давая им в руки лучшую возможность повести борьбу против враждебных сил и обстоятельств.

Социальность или общественность жизни существует еще с давних времен: она зародилась и наблюдалась еще в животном мире и существовала еще до рождения или появления человека на земле. Солидарность и взаимопомощь вызвали инициативу личности и созидательную, творческую деятельность среди широкой массы. И постоянная борьба между авторитетом и волей, между властью и свободой, между насилием и взаимопомощью, которая тянется на протяжении всей человеческой истории, — эта борьба есть выражение двух несогласных и враждебных между собою стремлений. Первое стремление — борьба привиллегированного меньшинства — является анти-социальным, противуобщественным, — в то время, как второе стремление, основанное на здоровых социальных инстинктах широкой массы, развивает свободную инициативу и творческие силы большинства людей. И в этом — залог грядущей свободной общественности.

Взаимная помощь, а не постоянная борьба; солидарность, а не враждебность — вот действительные факторы или силы нашей социальной жизни. —

«Этика» является последним, посмертным произведением П. Кропоткина — завершением всех его научных, социальных и философских взглядов. В этой книге разбирается, главным образом, вопрос о происхождении и историческом развитии нравственности.

Нравственные понятия и справедливые обычаи людей не предписаны законами власти или государства: они естественный продукт общественной жизни. Жизнь в обществе естественно и неизбежно порождает среди людей инстинкты общительности, взаимопомощи и солидарности, которые в дальнейшем развитии претворяются в чувства доброжелательности, симпатии и любви. Из этих общественных инстинктов и берет свое начало человеческая нравственность, т. е. совокупность справедливых моральных понятий и предписаний. Моральный обычай — вот тот неписанный закон, которым люди пользуются еще с древних времен, хотя зачатками нравственных инстинктов и чувств надо считать общительность и взаимопомощь в мире животных.

В основе человеческой этики лежат три элемента нравственности: взаимная помощь, общественность и справедливость. Эти элементы — необходимая предпосылка к новой этике, к морали будущего, которая, будучи построена на со-

лидарности, свободе и равенстве, отвергнет безнравственное и несправедливое деление людей на высших и низших, на господ и рабов, на правителей и подвластных и установит свободное сотрудничество людей на общую пользу человечества.

Вот те основные идеи и взгляды П. Кропоткина, затронутые мною в его пяти главных работах.

В других своих работах, как «Речи бунтовщика», «Современная наука и анархизм», «Идеал и философия анархизма», П. Кропоткин подробно разбирает теоретические и практические вопросы коммунистического анархизма. Он показывает, что стремление к независимости, свободе и материальному довольству всегда наблюдалось среди широких масс народа. Такое стремление наблюдается и в настоящее время и выражается, с одной сторо ны, в ограничении силы современного государства, а с другой стороны — в изменении форм частной собственности. Но эти стремления не идут последовательно, не идут до конца и прямо к цели, ибо только анархия — свободная жизнь свободных людей — есть последовательное и естественное выражение всех стремлений современного трудового человечества.

В пестрых и ярких красках рисует П. Крапоткин глубокий контраст современной несправедливой жизни. С одной стороны — кучка богачей с их роскошно - богатой жизнью паразитов, а с другой — многомиллионный рабочий народ, живущий бедной, страдальческой жизнью честных тружеников. Хозяева, сидящие на шее рабочего и сосущие из него кровь, и рабочие, создающие все богатсва! И это продолжается всегда, из года в год, из столотия в столетие. И на протяжении всей человеческой истории еще не было случая, чтобы богатые и власть имущие, по своей доброй воле, отказались от эксплуатации и порабощения народа. Наоборот, враги народа всегда неуступчивы, непокорны и кровожадны. Многочисленные факты и примеры из истории ясно показывают, что у рабочих в среде других классов всегда находится больше врагов, нежели друзей. Поэтому, залог освобождения рабочего народа находится только в его собственных руках. Народ не должен просить, но требовать, брать и завоевывает все те богатства, создателем которых он является. И чем сильнее и революционнее будет борьба рабочего народа против своих исконных врагов — капитала и власти, тем скорее он добьется своего полного освобождения.

П. Кропоткин учил нас любить жизнь, и боротся против зла, насилия, эксплуатации, несправедливости и неравенства. Будем же все преданы этому завету—революционному и анархическому завету нашего дорогого и незабвенного учетеля—Петра Кропоткина!

Л. ЛАЗАРЕВ.

П. А. Кропоткин и Большевики

(По воспоминаниям о Кропоткине В. Д. Бонч-Бруевича).

Многих анархистов и рабочих всегда в той или иной степени интересовал вопрос, как относился П. А. Кропоткин к октябрьскому перевороту в России,—какую позицию занимал он в отношении новой власти большевиков, что считал здоровым и что ошибочным в их полити ке, как большевики отнеслись к Кропоткину и т. д. Сам Кропоткин по приезде в Россию жил замкнуто, своих мнений по текущим событиям не высказывал или вы сказывал их в тесном кругу блиских лиц, за пределы которого они обычно не выхо дили. Поэтому много из мнений Кропоткина, связанных с великими российскими событиями 1917-1920 годов осталось для большинства его единомышленников и последователей неизвестным. Неизвестной,

в частности, осталась его беседа с Лениным, при их свидании, в начале мая 1919 г. в Москве, а также те немногие, но значительные по своему содержанию письма, которые Кропоткин писал Ленину в тот период.

Теперь на эту сторону жизни Кропоткина проливает некоторый свет управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич, напечатавший свои «Воспоминания о П. А. Кропоткине» в двух номерах ленинградского журнала «Звезда» за 1930 г.

Бонч-Бруевич знал Кропоткина еще с начала 1900 г. и относился к неу всегда с огромным уважением, как к ученому, революционеру борцу и человеку редкой духовной чистоты. Свои воспоминания о Кропоткине он начинает с этих давних лет. Мы воспользуемся его данными, относящимися к 1918-20 г. г. Отметим лишь, что при первом свидании с Бонч-Бруевичем в Лондоне в 1899 г. Кропоткин сделал ему серьезное предупреждение «насщет социал-демократии» «Держитесь подальше немецких социал-демократов. Большинству этих людей нельзя верить, это социал-демократические чиновники, которые, вот вы увидите, покажут себя с совершенно неожиданной стороны при хорошей встряске. Сейчас они маскируются, а когда снимут маски,— будут действительными предателями рабочего класса». Вспоминая тридцать лет спустя эти слова Кропоткина, Бонч-Бруевич пишет: «теперь я вижу, посколько был прав Петр Алексеевич в своей оценке все более и более разлагавшихся социал-демократических вождей Германии... Нельзя было помыслить тогда, чтобы какая-нибудь из социал-демократических партий могла так разложиться и опуститься, как это случилось с германской социал-демократией в особенности».

Свое отношение к октябрьскому перевороту П. А. Кропоткин сказал при первом своем свидании с Бонч-Бруевичем.—Все события нашей сложной жизни он принимал близко к сердцу и искринне болел душою за судьбу великого пролетарского движения, когда Советскую Россию окружили белогвардейские или антантовские враги». Когда летом в 1920 г. Кропоткина посетила в Дмитрове английская делегация, Кропоткин передал ей большое письмо, адресованное им «западно-европейским рабочим». В этом письме П. А.писал, что «Трудящиеся европейских стран и их друзья из других классов должны прежде всего заставить свои правительства отказаться от мысли о вооруженном вмешательстве в дела России, как открытом так и замаскированном, в форме ли вооруженной помощи или в виде субсидий разным державам, а затем и возобновить сношения с Россией. (Брошюра Н. К. Лебедева «Музей П. А. Кропоткина» стр. 47)

Кропоткин говорил Бонч-Бруевичу, что во всей деятельности современных революционных политических партий надо помнить, октябрьское движение пролетариата, закончившееся революцией, доказало всем, что социальная революция возможна. И это мировое завоевание надо изо всех сил беречь, поступаясь во многом другом... Идеи октябрьской революции будут постепенно восприниматься народами также, как воспринимались миром идеи великой французской революции. И в этом— колосальная заслуга октябрской революции».

Кропоткин внимательно следил за эволюцией партии большевиков в сторону социальной революции и коммунизма и искренно приветствовал эту эволюцию.

—Партия большевиков хорошо сделала, что отказалась от неудачного и скомпроментировавшего себя названия социал-демократов и взяла старое, истинно пролетарское название коммунистической партии» —говорил он Бонч-Бруевичу ·

—«Мне говорят, что Владимир Ильич написал прекрасную книгу *), которую я еще не видел, не читал и в которой он ставит прогноз, что государство и государственная власть в конце концов ото-

---

*) Ленин, «Государство и революция».

мрут. Это огромнейший прогресс марксисткой мысли. До такого интересного и определенного вывода никто до сих пор из социал-демократов не решился дойти, хотя, конечно, добавил он, при добро совестном изучении трудов Маркса и Энгельса, несмотря на их государственный шовинизм, который с моей точки зрения анархиста проглядывает у них то там, то здесь— к этому революционному выводу придти можно и должно. Но последователи Маркса, в особенности немцы, всегда тщательно скрывали революционную сущность его учения, ограничеваясь только законами экономического развития общества, а на практике останавливаясь на самой умеренной парламентской борьбе. Владимир Ильич одним этим смелым раскрытием учения Маркса заслуживает самого глубокого уважения и внимания и всемирный пролетариат никогда этого не забудет. Я рассматриваю октябрьскую революцию, как попытку довести до своего логического завершения предыдущую февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму».—

По словам Бонч-Бруевича, большевики, и в частности Ленин отнеслись к Кропоткину с большим уважением. Ленин особенно ценил его, как исследователя великой французской революции, он подробно говорил о «достоинствах этой замечательной книги и обращал внимание на то, что Кропоткин впервые посмотрел на французскую революцию глазами исследователя, обратившего внимание на народные массы, выдвигая всюду роль и значение во французской революции ремесленников, рабочих и других представителей трудящегося населения. Это исследование Кропоткина он считал классическим и настойчиво рекомендовал всем его читать и широко распространять. Он говорил, что совершенно необходимо эту книгу переиздать не менее как в ста тысячах экземплярах, книжку переплесть и бесплатно распространять по всем библиотекам нашего Союза».

Встреча Ленина с Кропоткиным состоялась 8-го или 10-го мая 1919 г. на квартире у Бонч-Бруевича. Ленин встретил Кропоткина «очень внимательно и очень учтиво». Разговор коснулся кооперации, хода и развития русской революции, государственных методов большевиков, развития чиновничества и бюрократизма в советском государстве. Кропоткин развивал идею необходимости творчества органов рабоче-крестьянского самоуправления — профсоюзов, кооперации. Ленин с жаром развивал свой план революции, а Кропоткин внимательно его слушал. «Мы с вами стоим на разных точках зрения» — говорил Кропоткин. «По целому ряду вопросов и способы действия и организацию мы признаем разные, но цели наши одинаковые. . . Ни я, ни кто другой не откажется помогать вам и вашим товарищам всем, чем только возможно, но наша помощь будет более всего заключаться в том, что будем сообщать вам о всех неправильностях, которые происходят везде и всюду и от которых во многих местах стон стоит».

Ленин ухватился за предложение Кропоткина и просил его всегда давать необходимые указания, которые всегда будут приниматься во внимание.

Первое письмо Кропоткина к Ленину было от 4-го марта 1920 г. В нем он касался экономического положения почтово-телеграфных служащих г. Дмитрова, которое было бедственно, как и положение вообще рабочих России, и просил Ленина обратить на него внимание и принять блиское участие. Важна в этом письме его политическая часть, которую мы и приводим здесь полностью. Кропоткин пишет:

— «Не могу не сказать Вам в заключение несколько слов об общем положении дел. Живя в большом центре — в Москве, нельзя знать истинного положения страны. Нужно жить в провинции, в блиском соприкосновениии с повседневной жизнью, с ее нуждами и бедствиями, с голодающими — взрослыми и детьми, с беготней по канцеляриям, чтобы получить разрешение

на покупку грошевой керосиновой лампочки и т. д., чтобы узнать правду о теперешних переживаниях.

Вывод — же из переживаемого нами теперь — один. Нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни. Долго так продолжаться не будет, и мы идем к кровавой катастрофе. Никакие паровозы союзников, никакие вывозы русского хлеба, пеньки, льна, кож, и пр., что нам самим необходимо, — не по могут населению.

Несомненно одно. Если-бы даже диктатура партии была-бы подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем сильно сомневаюсь), **то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами,** а его нет. Нет ни в чем. Вместо этого, на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов.

Возьмите хоть заготовку дров. Или, прошлой весной заготовку яровых семян...

Без участия местных сил, без строительства снизу, самих крестьян и рабочих — постройка новой жизни невозможна.

Казалось-бы, что именно такое строительство снизу долж. были-бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии», т. е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные—больше в центрах—уже уничтожили влияние и построительную силу этого многообещавшего учреждения, — Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновничьего строительства.

Чтобы выйти из теперешней разрухи, Россия вынуждена обратиться к творчеству местных сил, которые, я вижу это — могут стать фактором для создания новой жизни. И чем скорей будет понята необходимость этого исхода — тем лучше. Тем более будут склонны люди принять социальные формы жизни.

Если-же теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев.

С товарищеским приветом.

П. Кропоткин.

Г. Дмитров, 4-го марта 1920 г.

Бонч-Бруевич, приводя в своих воспоминаниях это письмо Кропоткина, сразу же начинает критиковать его содержание. Он заявляет, что Кропоткин, благодаря своей анархической установки, совершает «подмену» диктатуры пролетариата диктатурой партии. «Диктатуры партии при массовом движении не может быть» — заявляет он. Партия большевиков — не более, как авангард пролетариата, которая не над кем не диктаторствует, и т. д.

Слышать такие вещи из уст старого большевика на 13-ом году диктатуры компартии более чем странно. Ведь слыхал же Бонч-Бруевич о том, что еще на 12-ом партийном с'езде большевиков в 1923 году было вынесено следующее постановление: — **«Диктатура рабочего класса не может быть обоспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. компартии».** — А вся 13-ти летняя практика компартии в СССР разве не представляет собою самую полную, самую абсолютную партийную диктатуру, и даже не диктатуру партии, а диктатуру ее центрального комитета? И разве весь государственный аппарат СССР не подчинен открыто постановлениям Ц. К. партии?

Бонч-Бруевич может возразить, что диктатура пролетариата иначе не может осуществиться. Не так говорят те, кто держит в своих руках власть.

Широкие подлинно пролетарские массы никогда таких заявлений не делали. При господстве пролетариата не могут годами сидеть и погибать в тюрьмах борцы и лучшіе представители пролетариата же.

А при диктатуре большевиков они сидят и гибнут. Сидят анархисты, синдикалисты, сидят левые оппозиционеры из «Рабочей Группы», сидят левые эсеры, сидят, наконец, троцкисты и т. д. без конца. Не сидят лишь те, кто слепо повинуется всевластной бюрократии и отказались от своего идейного лица.

Это ли не есть неопровержимое доказательство того, что в СССР под именем диктатуры пролетариата установлена узкая партийная диктатура? Этого факта не отрицают и сами большевики.

Неизвестно ради чего его отрицает Бонч-Бруевич. Он спрашивает: «Что это значит, как расшифровать, — что без участия местных сил постройка новой жизни невозможна»? (Слова Кропоткина).

Это значит, что не приказами из центра, которому, по большевистски, должны слепо повиноваться массы на местах, может строиться социалистическое общество, а общими усилиями, общей волею этих самых широких масс. Это значит, что эти массы у себя на местах на предприятиях, имеют свои выборные органы, которым поручают выполнять свой производственный план и которые, сливаясь один с другим, составят систему подлинного хозяйственного самоуправления рабочего класса. Политическая партия при этом может разрабатывать и предлагать вниманию рабочих масс проекты хозяйственного строительств. Массы могут эти проекты принять, но могут и отвергнуть, найдя их недостаточно социалистическими, неотвечающими их духу. Но в том то и дело, что партия большевиков считает для себя такую роль недостаточной. Идейно влиять, идейно руководить массами ей мало. Она хочет ими **командовать** (во имя социализма, конечно!) Для этого-то она, захватив власть, сразу же встала на почву декретов, для этого-то она и создала госаппарат. В этом существо большевизма. Позже аппарат власти, обросши толстым слоем бюрократизма, стал самодовлеть, **жить классовыми интересами бюрократии** за счет труда и свободы широких трудовых масс.

И безусловно прав был П. А. Кропоткин, указав на вред партийной диктатуры в деле создания нового социалистического строя. Нужна не диктатура партии над массами, а сотрудничество партии с рабочими массами и их профорганизациями.

Следующее письмо Кропоткина Ленину касалось постановления советской власти о заложниках из контр-революционного лагеря. Вот текст этого письма:

«Уважаемый Владимир Ильич.

В «Известиях» и в «Правде» помещено заявление, извещающее, что Советскою Властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова, белогвардейцев Национального и Тактического Центра и офицеров-врангелевцев; и что, в случае покушения на вождей Советов—решено «безпощадно истреблять» этих заложников.

Неужели среди Вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн, и что они не достойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может итти тот; кому дорого будущее коммунизма.

Неужели никто не об'яснит, что такое заложник?

Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: — «Убьете одного из наших, а мы убьем столько то ваших». — Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: — «Погодите. . . . не сегодня». . . .

И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно **восстановлению пытки—для заложников и их родных.**

Надеюсь, никто не скажет мне, что людям, стоящим у власти, тоже не весело жить на свете. . . . Нынче даже среди королей есть такие, что смотрят на покушение на их жизнь, как на «особенность их ремесла».

А революционеры—так поступила Луиза Мишель—берут на себя защиту перед судом покушавшегося на их жизнь. Или же отказываются преследовать его, как это сделали Малатеста и Вольтерина Дэ-Клэр.

Даже короли и попы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни и строители новой общественности прибегать к такому орудию для защиты от врагов?

Не будет-ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся, и спасаете—уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя.

Неужели ваши товарищи не сознают, что вы, коммунисты, — какие бы вы ни наделали ошибки, — **работаете для будущего?** и что потому вы, ни в каком случае, не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху? — что именно подобные акты, совершенные революционерами в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки.

Я верю, что лучшим из вас **будущее Коммунизма дороже собственной жизни.** И помысли об этом будущем должны заставить вас отвергнуть такие меры.

Со всеми своими крупными недостатками — а я, как вы знаете, хорошо вижу их — Октябрьская революция произвела громадный сдвиг. Она доказала, что социальная революция не н е в о з м о ж н а, как это начинали думать в Западной Европе. И, при всех своих недостатках, она производит сдвиг в сторону **равенства,** которого не вытравят попытки возврата к прежнему.

Зачем-же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом, от недостатков, которые вовсе не свойственны Социализму и Коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий, неограниченной всепожирающей власти.

П. Кропоткин.

Дмитров (Московской губ.)
21-го Декабря 1920 г.

На это письмо от Ленина ответа не было, но, по уверению Бонч-Бруевича, Ленин очень внимательно прочел его и сказал, что Петр Алексеевич не понимает, что мера о заложниках является крайней мерой по защите революции, но отнюд не личной защиты кого бы то ни было, что без этой крайней меры никакая гражданская война обойтись не может.

Более подробный ответ на это письмо старается дать за Ленина сам Бонч-Бруевич в своих «Воспоминаниях». Мысль его сводится к тому, что во время революции жестокий и беспощадный враг трудящихся действительно стоит у ворот каждого дома и что в этих условиях буквально все средства хороши в борьбе с врагами социальной революции.

Не станем оспаривать этих утверждений Бонч-Бруевича. Борющийся рабочий класс, если он действительно возьмет свою судьбу в свои руки и своею волею произведет социальную революцию и ее защиту, скажет свое веское слово о том, какие средства в борьбе с вековым врагом он сочтет необходимыми, а какие нет.

В ответе Бонч-Бруевича заслуживает большего внимания другая сторона дела. Полемизируя с умершим уже Кропоткиным, Бонч-Бруевич обдуманно обошел одно уязвимое у большевиков место—это заключение большевиками в тюрьмы тысяч и десятков тысяч рабочих и представителей рабочего класса — анархистов-левых народников, оппозиционеров из «рабочей группы» и т. д. Эти бесчисленные жертвы большевистского сверхвластия не могут быть отнесены в стан контр-революции, ибо они посажены в тюрьмы как раз за обратное — за стремление удержать рабочий класс на октябрьских высотах, откуда его давно спихнула господствующая политическая интеллигенция.

Если эти заключенные являются заложниками, то они заложники из совсем иного лагеря — **заложники за левую революционную идею,** которая мешает спокойно жить и спокойно спать присосавшейся к власти государственной бюрократии.

Бонч-Бруевич не осмелился ни одним словом упомянуть об этих заложниках, ибо одно упоминание о них на голову опрокинуло бы всю его защиту политику ВКП, как авангарда революционного пролетариата. Ведь вышло бы так, что партия большевиков действительно из чувства животного самосохранения сажает в тюрьмы всех, кто своей критикой, сколь бы справедлива и революционно-пролетарски она ни была, способен толкать трудовые массы к полному и подлинному освобождению и независимости.

П. Аршинов.

Традиция и Новые Искания в Анархизме.

(Окончание).

Анархизм не только экономическая, но и социальная—даже по преимуществу социальная проблема. И потому для его осуществления необходимо значительно большее количество предпосылок и предпосылок, к тому же, более высокого порядка, чем для реализации всякого другого движения, в том числе и социализма.

Экономическое иго — всегда чувствуется сильнее, чем социальный гнет, по крайней мере, оно более резко ощущается большей массой трудового населения. Гнет феодала, помещика и предпринимателя понимается, в первую очередь с экономической стороны, так как- трудящийся принужден отдавать угнетателю часть своего труда, и лишь позднее и то не всеми, воспринимается, как гнет социальный. Но и в этом случае многие не видят связи между ним и госудагственными формами общежития. Поэтому - то движения низов, имеющие в своей основе экономические требования, чаще увенчиваются успехом, чем движения социального характера. Экономические движения, в случае их успеха, нередко приводят к изменению социальной структуры и социального лика государства, но не к уничтожению государства, как такового, во всем его целом. Государство, являясь при всяких условиях органом насилия над эксплоатируемыми классами, закрепило свое существование такими позициями, что эксплоатируемое и насилуемое им население сплошь и рядом не видит наложенных на него государством цепей и считает государство своим защитником и необходимым органом общественной жизни, без которого не возможно никакое спокойное существование, никакой прогресс. Вот простейший пример. Два рабочих поссорились и один из них сильно обидел другого. Обиженный жалуется в суд на обидчика, обращается за помощью к государству. Суд разбирает дело и наказывает обидчика. Обиженный получил удовлетворение, но этим самым он доказал общественную «полезность» государства, оправдал его существование, поддержал государственные формы общежития. У обиженного и мысли не возникает, что в таком деле, как ссора с товарищем по положению, он мог бы аппелировать за защитой своих интересов не к государству, а ко всему товарищескому коллективу или его части. Решение товарищеского коллектива может иметь только моральное значение. Коллектив может воздействовать на обидчика так, чтобы тот извинился перед обиженным. Товарищеское разбирательство и извинение, принесенное обидчиком, кладет конец раздору; тогда как решение суда, связанное с материальным наказанием обидчика, только сильнее озлобляет последнего и кладет начало многим новым конфликтам, требующим нового спорядического вмешательства государства, благодаря чему у обиженного создается полная иллюзия необходимости существования государства

Все это говорит о том, что для осознания отдельной личностью и эксплоатируемым классом в целом социальной вредности государственных форм общежития и отказа от помощи государства необходима какая-то определенная общественная эволюция; что, словом, осуществление анархического идеала нуждается в наличии определенных предпосылок. В противном случае социальные и экономические движения будут в своем большинстве приводить к уничтожению не государства вообще, а данной конкретной его формы.

Логика имеет свои законы. И потому безосновательный оптимизм традиционного анархизма обуславливал собой примитивизм тактики с присущим ей упрощенным максимализмом. В самом деле. Если народ по природе своей анархичен и если анархический строй может быть осуществлен в любое время, лишь бы этому не мешали власть и государство, то отсюда вполне законен вывод, что основной задачей анархического движения в каждый данный момент является возбуждение революции.

В соответствии с этим традиционный анархизм считает, что в условиях современного строя абсолютно невозможно творчество жизни на анархических началах, что всякая такая попытка обречена на фатальную неудачу. Этому, по мнению традиционного анархизма, будет препятствовать государство, а если оно и окажется не в состоянии задушить подобное начинание, то последнее в конце концов приведет к угашению революционного духа масс и извращению анархических идеалов. Для традиционного анархизма вообще характерна боязнь, что попытки пронизать современную жизнь принципами анархизма смогут нарушить чистоту анархических идеалов. Отсюда отвращение теперешних анархистов от творческого деформирования современного строя в соответствии с принципами анархизма. Некоторые из анархистов в отрицании современных форм общественной жизни доходят ,до геркулесовых столбов. Так например, уже в послереволюционные годы в России об'явился некий «теоретик» нового направления в анархизме, полагающий, что с анархическими принципами несовместимо какое бы то ни было участие анархистов в общественной и производственной деятельности капиталистического общества. С точки зрения этого «неонигилиста» анархист не должен быть даже рабочим у капиталиста, так как, работая на капиталистическом предприятии, рабочий создает прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом, и тем самым поддерживает капиталистический строй. В этом утверждении отрицание творческого участия анархистов в жизни доведено до своего логического конца и полнейшего абсурда. С точки зрения этого «неонигилиста» анархист, чтобы не укреплять капитализм, должен или подыхать с голоду, или итти на мелкую экспроприацию в личных целях, или же в каждую данную минуту всеми силами и способами разрушать капиталистическое общество. Много ли найдется таких лиц, которые примкнут к такому абсурдному учению, являющемуся сплошным отрицанием жизни, и какова социальная цена такому движению? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. Отрицание целесообразности творческого влияния анархистов на современную жизнь нашло свой отзвук, правда, в очень общей форме и в проекте организационной платформы. «Нельзя приступить, — говорят ее авторы, — к постройке новой экономики и новых общественных отношений, раз не сломлена мощь государства, охраняющего рабский строй, и раз рабочие и крестьяне не переняли в свои руки промышленное и земельное хозяйство страны».

Отвергая целесообразность творческого положительного воздействия на современный строй, традиционный анархизм свое внимание концентрирует почти исключительно на проблеме разрушения. Вся его тактика сводилась по существу к двум моментам: пропаганде анархических идеалов и подготовке, вернее, побуждению трудовых масс к восстанию. К этому не-

редко присовокуплялось совершение террористических актов. Совокупность этих тактических приемов ярче всего, пожалуй, сказалась в России и отчасти Франции конца прошлого столетия. Традиционный анархизм очень долгое время отрицал какое-либо значение за такими организациями, как профессиональные союзы, синдикаты и кооперативы, которые при некоторых условиях могут дать очень много возможностей для пронизывания современности анархическим духом. Только в начале XX-го века анархисты обратили внимание на профессиональное движение, но и тогда они подошли к нему не как к движению, могущему иметь положительное творческое значение для анархизма, а как к движению, могущему стать опорой для возбуждения и проведения всеобщей стачки. Не уменьшая роли всеобщей стачки и значения профессиональных организаций для ее осуществления, нужно все же констатировать, что такая оценка синдикального движения весьма однобока и не отвечает истинным интересам анархизма. Точно также многие анархисты подходят и к проблеме кооперации. Для них кооператив — в известной мере лишь дойная корова для финансирования анархического движения. Такая задача, несомненно, весьма почетна и почтенна. Но можно ли создать при такой предпосылке достаточно мощное кооперативное движение, опирающееся на широкие массы и проникнутое анархическим идеалом? Конечно, нет. В самом лучшем случае дело ограничится созданием нескольких десятков таких кооперативных организаций во всем мире. Все это, вместе взятое, свидетельствует о необычайном примитивизме тактики, которая, — будучи направлена почти исключительно на разрушение современного строя, а не на одновременное анархическое созидание в его условиях, — характеризуется в то же время столь же резким упрощенным максимализмом.

События последних лет показали, что и то, и другое вредит интересам анархического движения, суживает ту базу, на которую движение могло бы опереться, и подрывает его силу. Тактика, преследующая исключительно или почти исключительно цели разрушения современного строя без одновременного создания в его пределах предпосылок для осуществления лучшего строя, делает задачи анархизма непонятными для широкой массы трудящихся, ибо последние не видят связи между анархизмом и их непосредственными текущими интересами. А упрощенный тактический максимализм при этих условиях только отпугивает широкую массу от анархического движения, так как она инстинктивно не верит в возможность достижения свободного общества такими путями. Социал-демократия потому и получала значительное количество приверженцев и сильную поддержку населения, что она сумела найти сферу (пусть, весьма ошибочную с нашей точки зрения) сочетания своей деятельности в парламенте с интересами сегодняшнего дня, с текущими нуждами трудового населения.

Отказ от примитивизма и упрощенного максимализма тактики, присущей традиционному анархизму, должен стать нашей очередной задачей. Некоторые увидят в этом, быть может, склонность к оппортунизму, приспособленчество к современному строю и отказ от революционных методов действия. Но мы зовем не к оппортунистическому сползанию, а к творчеству анархической общественности, пронизыванию анархическими началами нашей настоящей жизни. Эта цель должна быть поставлена во главу угла всей нашей дальнейшей работы. Это необходимо—по двум причинам.

Общественная эволюция не терпит пустоты, не терпит игнорирования текущих интересов. Каждый день, каждый час вносит в общественную жизнь во всех ее разветлениях и проявлениях новые потребности, требует их удовлетворения и ставит перед людьми новые задачи. Разрешение этих задач в большинстве случаев совершается бессознательно, по старинке, по тому методу, каким подобные задачи

разрешались и до этого, применительно к существующему традиционному жизненному укладу. Но возможно и иное разрешение этих задач, разрешение на основе тех сознательных целей, которые ставит перед собой та или иная часть человечества. Если анархисты отказываются от разрешения новых жизненных проблем, от анархического творчества в каждый момент, то эта работа будет проделана за них другими — капиталистами, социалистами и проч., которые тем самым направят общественную эволюцию в желательную им сторону. Отказ анархистов от постоянного творчества анархизма только укрепляет позиции их противников, поскольку воздействие последних на жизнь закрепляет и утверждает методы общественного строительства, противные анархизму. Другое дело, если анархическое движение поставит перед собой цель каждодневного и непрерывного творчества жизни в соответствии с идеалом анархизма. В этом случае победителем на жизненном поприще окажется тот, кто лучше поймет запросы современности и сорганизует вокруг осуществления этих запросов крепко спаянный коллектив. Это—во первых.

Допустим, во вторых, что, руководствуясь принципами традиционного анархизма, нам удалось бы разрушить современный строй. Значит ли это, что вслед за этим разрушением удастся претворить в реальность анархический строй? Далеко нет. Только завзятый оптимист, несчитающийся с реальными фактами, в состоянии доказывать осуществимость подобного прыжка из царства жестокого принуждения в царство полной свободы. Как и во времена февральской революции 1917 года, большинство людей может об'единиться на ненависти к существующему строю и разрушить его. Но вряд ли они без предварительных предпосылок, заложенных в предшествующем общественном развитии, смогут подойти к построению анархического общества. Многовековое существование человечества в услов. государственности и привычка к этой форме общественного устройства будут инстинктивно и неизбежно толкать восставший народ к созданию нового общественного строя на государственных началах. В результате разрушительная работа анархистов приведет к установлению нового общественного уклада, но уклада, организованного все же на принципе государственности. Для избежания этого необходимо уже в недрах современного общества создавать предпосылки для осуществления анархизма, создать известный минимум анархической общественности, пронизать общественные отношения духом анархизма. Как будет обстоять дело на другой день после революции, даже в том случае, если она будет подготовлена одной разрушительной деятельностью анархистов? Анархизм отрицает уже на другой день после революции существование принудительных общественных институтов. И поэтому анархисты не могут, подобно другим революционным течениям, создавать анархическое общество, принудительно внедряя его в жизнь населения. Государственники — социалисты, захватив власть, могут, при известных условиях, осуществить социализм, применяя для его построения силу государства. Мы эту силу отвергаем, разбиваем и отказываемся пользоваться ею. Но для того, чтобы стихийное развитие революции не возродило ее, нужно уже в первый день социального переворота иметь организации, построенные на анархических началах и могущие заменить собой государство, как организующую силу, такие организации, социальная полезность которых была бы признана трудовыми классами. А такое признание возможно лишь, как результат предварительного долголетнего общения населения с ними. Необходимо, чтобы даже неанархическое население в момент социальной революции признало социальную значимость организаций, служащих основой анархического строя, добровольно признало за ними право на обслуживание и регулирование общественных надобностей и восприняло их в своем жизненном обиходе, не ощущая потребности в восстановлении государственных форм общежития. В предрево-

люционный период задача этих организаций должна заключаться в том, чтобы они стали школой анархического воспитания и творчества анархических форм жизни, суживая сферу государственного воздействия на жизнь и сферу капиталистических отношений. Только совместная комбинация подобного творческого воздействия на жизнь с одновременной работой по разрушению современного строя может обеспечить конечную победу анархизма в ближайшие времена.

Составители проекта платформы, видимо, интуитивно чувствовали, что одной разрушительной деятельности для реализации анархизма мало, что требуется и еще нечто другое. Так, они заявляют, что «в период предреволюционной основной задачей Всеобщего Анархического Союза является подготовка рабочих и крестьян к социальному перевороту» путем воспитания широких масс в духе классовой непримиримости, антидемократизма, антигосударственности, в духе идеалов анархического коммунизма и группирование рабочих и крестьян на производственной (производственные организации) и потребительской (свободные рабоче-крестьянские кооперативы) базе. Но в этом отношении авторы проекта не далеко ушли от основоположников традиционного анархизма, поскольку в проекте содержится четкое заявление, что построение новых общественных и экономических отношений невозможно до тех пор, покуда не разрушено государство и не проведено обобществление народного хозяйства. В сопоставлении с этим заявлением, как принципиальной установкой, указание на необходимость воспитания масс в анархо-коммунистическом духе принимает характер голой декларации, если под ней не подразумевать указания на воспитание масс в духе разрушения современного строя, что неотделимо от традиционного анархизма.

Большим плюсом проекта платформы, с нашей точки зрения, является признание классового строения современного общества и роли классовой борьбы, как положительного социального фактора. Но и в этом пункте проект платформы очень близок некоторым ветвям традиционного анархизма и полон внутреннего противоречия. В частности, в проекте декларируется, что капиталистическое общество распадается на два класса — пролетариат в широком смысле слова и буржуазию. Социальная наука сейчас ушла так далеко вперед, что довольствоваться не только для научных, но и практических целей различением в капиталистическом обществе только двух классов уже нельзя. К тому же, это и фактически не верно, так как при подобном делении современного общества на классы крестьянство, например, должно быть отнесено к одному из этих двух классов — или к буржуазии, или к пролетариату. Авторы проекта платформы причисляют крестьянство, повидимому, к пролетариату, на что намекает самый термин «пролетариат в широком смысле слова» и содержащееся в дальнейшем утверждение, что главными силами социального переворота явится рабочий класс и крестьянство. Но крестьянство, являющееся собственником некоторых орудий и средств производства, никак не может быть включено в категорию пролетариата, так как под пролетарием разумеется лицо, не имеющее орудий и средств производства и вынужденное жить продажей своего труда. В то же время крестьянство в его целом нельзя отнести и к буржуазии, поскольку оно, имея орудия и средства производства, не прибегает все же к эксплоатации наемного труда.

Только ясное и четкое различение основных классов капиталистического общества и их социальной природы может дать правильный анализ социальной современности и установить те категории, которые могут послужить базой для анархического движения. В условиях капиталистического общества до половины XIX-го столетия существовало по существу три класса — 1) буржуазия, для которой характерно владение орудиями и средствами производства и получение дохода в порядке эксплоатации наемного труда и присвоения в свою пользу прибавочной стои-

мости, 2) класс самостоятельных трудовых производителей (крестьяне и ремесленники), сущность которого определяется владением орудиями и средствами производства и приложением к ним своего собственного труда, 3) пролетариат, характеризующийся отсутствием у него орудий и средств производства и продажей своего собственного труда. Перечисленные классы сохранились и до сего времени. Но со второй половины прошлого века к ним присоединился новый класс — интеллигенция, вызванный появлением крупных промышленных, банковых и торговых предприятий. Социальная природа этого класса долгое время была не ясна и довольно противоречива.

Правильному пониманию его сущности мешал тот факт, что принадлежность к этой социальной группе требовала определенного количества знаний. Знаниями же обладают и многие представители господствующего класса. Поэтому интеллигентом считался всякий развитой образованный человек. С этой точки зрения интеллигент являл собой не представителя определенной социальной категории, а просто знающего человека, что позволяло многим исследователям считать интеллигенцию какой-то внеклассовой группой, стоявшей над классами и не входящей ни в один из них. В то же время отсутствие у интеллигенции орудий и средств производства и существование ее продажей своего труда давало основание некот. теоретикам зачислять ее в состав пролетар., тем более, что долгое время (до расцвета физиологии) разница между умственным и физическим трудом была недостаточно заметна. Да и сама интеллигенция, представлявшая собой выходцев из всех прочих классов и кровно с ними связанная, долго не могла осознать своей социальной особенности. Понадобился значительный промежуток времени, достаточный для того, чтобы эта родственная связь между отдельными интеллигентами и тем классом, из которого они вышли, ослабела и совсем порвалась. Второе и особенно третье поколение интеллигенции (конец XIX-го века) уже не ощущало связующих уз с другими классами и стало более или менее ощутительно понимать свои социальные интересы. К этому же этапу относится и быстрый количественный рост интеллигенции. Так, в Германии по переписи 1882 года на 24,4 милл. душ самодеятельного населения было всего лишь 300,000 служащих в промышленности, сельском хозяйстве и торговле, что составляет только 1,2% самодеятельного населения; а в 1905 году на 31,5 миллионов душ самодеятельного населения приходилось 1,3 миллиона служащих (помимо государственных) или 4,1%, причем ни одна другая социальная категория численно не увеличивалась, так быстро, как служащие. В то же время и в положении интеллигенции, произошло существенное изменение. Промышленный капитализм, свойственный XIX-му столетию и отличающийся малым развитием акционирования предприятий, был связан с непосредственным участием капиталиста в руководстве своим предприятием, что сводило служащего на роль простого доверенного лица при капиталисте.

В начале текущего века эта фаза сменяется финансовым капитализмом. Широко развившаяся система акционирования капиталистических предприятий и переход руководящей хозяйственной роли в руки банковского капитала внесли в условиях финансового капитализма серьезные изменения в положение буржуазии. Она все еще сохранила за собой господствующее положение. Но это господство по существу стало уже далеко не тем, каким было до этого. Вершителем социально-экономических судеб той или иной страны стала кучка капиталистов - представителей монополистического капитала. Остальные круги буржуазии, за редкими исключениями, в значительной степени утеряли присущую им ранее роль организаторов хозяйственного процесса и всей экономической жизни мира. Роль этих слоев буржуазии в экономической жизни свелась к кратковременному участию в собраниях акционеров и к получению полагаю-

щихся им дивидендов. С этим связано обнаружившееся перерождение определенной части буржуазии в паразитарный общественный класс, теряющий свою социальную полезность. Та группа буржуазии, которая является представительницей монополистического капитала, количественно не многочисленна. Она занята по преимуществу всякими биржевыми и прочими спекулятивными операциями и оказалась не в состоянии уделять достаточно внимания непосредственному процессу производства. В такой обстановке роль организатора сперва одного только производственного процесса, а затем и других отраслей экономической деятельности начала постепенно переходит в руки интеллигенции — технического фабрично - заводского персонала (инженеры, коммерческие директора и проч.) и других ее групп. При таком положении экономическая деятельность монополистической буржуазии ограничивается, главным образом, функциями контроля над техническими и коммерческими служащими, очень редко выходя за эти рамки и только, ввиде исключения, распространяясь на непосредственное вмешательство в производственные и соприкасающиеся с производством процессы. Одновременно с этим усилившееся рабочее движение пред'явило определенный спрос на большие кадры интеллигенции для занятия ряда руководящих постов в профессиональных, кооперативных, политических организациях и учреждениях. Интеллигенция, занявшая соответствующие должности, стала таким образом в некоторой мере организатором и общественной жизни. В области производительного процесса интеллигенция заняла позиции его организатора с полного согласия монополистической буржуазии, вынужденной к этому длительной эволюцией капитализма. В области общественной жизни организующая роль интеллигенции противостоит организующему значению буржуазии, ограничивает влияние буржуазии до определенных рамок, а именно в этой области происходит более обостренная борьба между буржуазией и интеллигенцией.

Мировая война положила начало трансформации финансового капитализма в государственный. Стадия государственного капитализма характеризуется ростом собственных предприятий государства, причем государственное хозяйство построено на частно-капиталистических началах, усилением удельного веса государственного хозяйства во всем народном хозяйстве, частичным сращиванием часто-капиталистических предприятий с государственными и муниципальными и, наконец, возрастанием регулирующей роли государства в экономической жизни страны. Этот этап в развитии капитализма подрывает господствующее положение даже монополистической буржуазии, поскольку определяющая роль не только в организации, но и в направлении производственного процесса все более и более переходит от буржуазии к интеллигенции в лице государственных служащих и технического персонала частно - капиталистических предприятий. А в соответствии с этим поднимается удельный вес и значение интеллигенции и в общественной жизни. К тому организующему общественному влиянию, которое в условиях финансового капитализма было завоевано интеллигенцией, участвовавшей в общественно - политических организациях (профессиональные союзы и пр.), прибавилось еще воздействие на общественное развитие и государственных служащих. Параллельно этому совершается быстрый численный рост интеллигенции, что опять - таки можно иллюстрировать на примере Германии. В 1907 году в ней при 31,5 миллионов душ самодеятельного населения было 2,3 милн. служащих и лиц свободных профессий, а в 1925 г. из 35,9 миллионов человек самодеятельного населения на служащих и лица свободных профессий падало 5,5 миллионов душ. Следовательно, за период всего лишь в 18 лет количество интеллигенции возрасло на 139%, а удельный вес ее в сравнении со всем самодеятельным населением поднялся с 7,3% до 15,4%, причем ни одна

другая социальная категория не показывает столь бурного роста, как интеллигенция.

Упускать из виду столь многочисленную группу населения, как интеллигенция, в настоящее время уже никак нельзя. О ней приходится говорить и с ней приходится считаться. Ее можно было игнорировать в восьмидесятых годах прошлого века, когда она еще не сконструировалась, как класс в себе, но нельзя было игнорировать ее в начале XX-го столетия, когда она оформилась, как класс в себе, и тем более нельзя забывать о ней сейчас, когда она стала не только конституированным классом в себе, но и классом для себя. Иначе все наши социальные построения будут не полноценны и ошибочны. Как класс в себе, интеллигенция представляет собой такую социальную группу, которая существует продажей своего умственного труда. Как класс для себя, интеллигенция будучи в условиях капитализма эксплоатируемой группой, стремится путем свержения капитализма и буржуазного строя к созданию такого социального строя, в котором она могла бы рассчитывать на существование своего классового господства. Добиться последней цели интеллигенция может лишь при условии отмены частной собственности на орудия и средства производства и передачи их в распоряжение государства, то-есть при условии построения государственного социализма. Социализация народного хозяйства наряду с сохранением в неприкосновенности принципа заработной платы служат теми предпосылками, на почве которых интеллигенция надеется осуществить свое классовое господство. Занимая в социалистическом обществе руководящие посты, организующие производственный и общественный процесс, она в то же время несомненно добьется лучшей и более высокой, по сравнению с рабочими, оплаты своего труда, за счет снижения заработной платы пролетариата, или, говоря иными словами, явится тем новым эксплоататорским классом, который, придя на смену буржуазии, станет присваивать в свою пользу часть неоплаченного труда производственного рабочего. Понятно поэтому, что идеологией интеллигенции, как класса, в целом является социализм. Обещания социалистических партий избавить пролетариат от эксплоатации путем организации социалистического общества заслуживают такой же веры, как и помыслы буржуазии в XVII и XVIII веках, что осуществление буржуазного строя несет с собой эпоху всеобщего равенства, братства и свободы.

Интеллигенция, как класс, по своей социальной сути также в основном не заинтересована в реализации анархического строя, как и буржуазия, и не может быть включена в состав тех классов, на которые опирается и должно опираться анархическое движение. В своем стремлении к классовому господству она, подобно буржуазии перед Великой Французской революцией уверяет пролетариат и самостоятельных трудовых производителей, что социализм устраняет эксплоатацию, и вовлекает наиболее активных представителей двух последних классов на неверный путь, чем наносит существенный вред их действительным интересам и анархическому движению. Во избежание этого и для укрепления анархических позиций нам нужно раскрыть перед рабочими, крестьянами и ремесленниками всю лживость социалистических учений и истинное социальное лицо интеллигенции. Во избежание поспешных выводов со стороны противников этого взгляда нужно заявить, что отдельные представители интеллигенции, особенно мелкой и малоквалифицированной, могут примкнуть к анархическому движению и оказаться полезными участниками его, что, однако, ни в какой мере не отвергает основного вывода, вытекающего из проделанного анализа.

Неверный анализ классовой структуры современного общественного строя приводит авторов проекта платформы к неправильной оценке социальной природы Советского Союза. Советское государство, по их мнению «восстанавливает основу капиталистической власти и капиталистического государства — насильственное по-

рабощение и насильственную эксплоатацию масс». Выходит, таким образом, что экономика Советского Союза базируется на капитализме, а правящим классом является буржуазия.

Но это ни в какой мере не соответствует действительности. Анализ социальной природы Советского государства, проделанный нами в специальном очерке на основе фактических материалов, показывает, что хозяйственный строй Советского Союза определяется двумя типами хозяйства: хозяйством государственным и хозяйством самостоятельных трудовых производителей, при чем удельный вес государственного хозяйства в экономике страны повышается из года в год. Благодаря распыленности хозяйства самостоятельных трудовых производителей и регулирующей роли государства, государственные формы хозяйства в Советском Союзе нужно признать руководящими и определяющими его хозяйственный облик. Государственное хозяйство СССР построено на использовании его результатов (прибыли) в интересах всего населения страны (кроме буржуазии, количественно малочисленной и экономически маломощной). В силу этого есть все основания определить экономическую структуру Советского государства, как государственный социализм, находящийся еще в периоде своего становления. Признавая государственные формы хозяйства главенствующими в экономике СССР, нужно исходить из них и при установлении социальной природы советского строя в целом. В этих условиях господство должно принадлежать и будет принадлежать тому классу, который организует и направляет государственное хозяйство. Претендентами на эту роль могут выступить лишь два класса — пролетариат и интеллигенция. В первые годы Октябрьской революции, когда советская государственность еще не установилась и не окрепла, ведущая роль несомненно принадлежала рабочим. Но, с укреплением государственности, организационные функции все более и более переходят от пролетариата в руки интеллигенции. Это создает предпосылки для осуществления в условиях Советского государства интеллигенции своего классового господства. Этот процесс еще не закончился, но он находит, между прочим, свое отражение и в более повышенной заработной плате интеллигенции, сравнительно с рабочими, и в боле быстром ее возрастании. Правильное установление социального лика Советского государства представляет не только теоретический, но и практический интерес, поскольку от этого зависит и наше отношение к этому строю. Характеризуя его, как буржуазный или капиталистический, мы тем самым говорим, что в современных условиях не заинтересованы в охране его от попыток капиталистических стран стереть его с лица земли. Иное, если признать, что Советское государство идет по пути государственного социализма. Рассматривая государственный социализм, как строй с неизбежным классовым господством интеллигенции, нужно все же признать его более прогрессивным фактором сравнительно с капитализмом, ибо в условиях государственного социализма трудно осуществима такая эксплоатация пролетариата и самостоятельных трудовых производителей, которая царствует в буржуазном обществе. При таком подходе неизбежно встать на защиту вновь появившегося на мировой арене строя, в случае грозящей ему военной опасности состороны копиталистических стран.

И. Хархардин.

Накануне Великих Событий.

Общее положение дел в Америке далеко не из блестящих, а в области труда оно прямо-таки — потрясающе-ужасно. Во-всю свирепствует доселе невиданная и неслыханная безработица, таящая в себе много жуткого и звеериного...

По улицам больших и малых городов Америки бродят, как тени, миллионы без

работных, т. е. людей, ищущих занятий и приложения своего труда. Многие десятки и сотни тысяч из них голодны, обор ваны и бездомны...

У многих средства к жизни на исходе и они терзаются о завтрашнем дне, когда в пустом желудке заиграют революци онные марши, а в дверь постучится настойчиво и грозно костлявая гостья... Многие давно уже истратили свои ничтож ные сбережения и хронически голодают; многие нищенствуют и пробираются пода янием, влача жалкое существование; многих заставляет голод простаивать по несколько часов кряду под дождем и на морозе в длинных хвостах у город. ночлежек и питательных пунктов, чтобы получить бесплатно чашку дряного кофе и какой-нибудь согревающей бурды...

Одни из обездоленных безропотно переносят страдания и муки, терпеливо сносят обиды и унижения, умеют клянчить, попрошайничать и всеми силами цепляются за горестную и бесцветную жизнь, а другие невыдерживают издевательств над человеческой личностью: бросаются под поезда, с мостов, обрывов и скал, выбрасываются из окон высоких домов, удушивают себя светильным газом или пускают себе пулю в висок, чтобы избавиться от проклятой и никому ненужной жизни... Обезумевшие от голода и безмер ных страданий несчастные горемыки часто истребляют свои семьи и убивают се бя... Ибо нет предела человеческому горю!..

Зато более или менее сознательный элемент из трудовых масс не отдает своей жизни без борьбы и сражений. Они требуют хлеба и, возмущаясь несправедливостью да негодуя на творцов зла, бо рются за свои попранные человеческие права. А слабые и безвольные, не способные к протестам и не умеющие приспособиться к условиям окружающей действительности или вжиться в нее, тихо умирают где-нибудь на свалочном месте или беззлобно падают на улице от истощения...

На почве безработицы процветает про ституция, ширится разврат, расползается по нищим углам лихо и пьянство, тучнеет хамство, наглеет подлость, грубеют нравы, падают моральные устои, черствеют души и возрастают кражи,грабежи и убийства...

Все эти чудовищные, уродливые явления вопиющей социально-экономической несправедливости делают человеческую жизнь в Америке безобразной и кошмарной...

А «всему виною проклятая безработица, от которой все зло и напасти» утверждают многие, что совсем не верно, так как дело не в безработице, а в несправед ливом распределении жизненных благ. Люди «работы» не кушают, а питаются пищевыми продуктами, которых имеется в изобилии. Беда лишь в том, что многие безработные не имеют денег на покупку таковых. Вот от чего голодают неимущие труженики.

Безработица—явление чисто капиталического порядка, — это вынужденное без делье необезпеченных средствами к жиз ни рабочих-пролетариев, невольная праздность, вызванная затишьем в промышленности.

Явления эти вполне заурядны и часты в капиталистическом обществе. Они вытекают из самой структуры его, из архаической системы хозяйничания безответственных капитанов индустрий. Безработице или экономическому кризису обыкновенно предшествуют финансовые крахи, которых было не мало за последние пару лет и которые продолжают и поныне. В такое время особенно много лопает мел ких и даже крупных банков, заправилы которых, не имея возможности делать крупные бариши, зарятся на сбережения вкадчиков и нередко пожирают их.

Финансово-экономический кризис вызывается ПЕРЕПРОИЗВОДСТВОМ, имеющим зависимость от двух факторов: ОТСУТСТВИЯ новых рынков, куда можно было бы направлять излишки товаров, и СОКРАЩЕНИЯ покупательной способности трудового населения, лишенного заработков, вследствие закрытия или при-

остановки производства.

Между производством и потреблением существует известная закономерность: чем больший спрос на какой-нибудь товар, тем усиленнее его производство, за которое берется обыкновенно группа предпринемателей-капиталистов, финаси руемая одним или несколькими банками. Они нанимают вырабатывающих товары рабочих и агентов— распространителей, совершающих оптовые сделки.

Когда на внутреннем и заграничном рын ках появляется этих товаров в изобилии, т. е. больше, чем население способно покупить, — цены на них, при свободной конкуренции, падают, что бывает очень редко, так как капиталисты имеют свои соглашения и устанавливают твердые цены; колебания и уклонения от твердых цен бывают незначительны, благодаря все той же согласованности и существующей несогласной монополии крупных трестов на все товары. Вследствие переполнения рынков, предприниматель прекращает свое производство, ибо не желает производить товары себе в убыток, без прибылей или с малыми барышами, если ему самому приходится платить высокие про центы финансовому капиталу.

С прекращением производства на улицу выбрасываются из фабрик, заводов и мастерских ненужные больше рабочие, получавшие за свой каторжный труд жал кие гроши. Уволенные становятся в ряды безработных, т. к. в наш машинный век массового производства рабочие не являются больше мастерами, а придатками к машинам. Безработному трудно най ти себе занятие еще и потому, что нынешний индустриальный кризис охватил почти все отрасли промышленности: везде застой.

Получается сцепление и запутанность. В итоге: капиталист выжидает, получая доходы от имеющихся на рынке товаров, а рабочий голодает, будучи лишен заработка, а с ним и средств к жизни, потому что не знает или не видит выхода из заколдованного круга, где все так сложно переплетено. Круг этот с каждым днем суживается и давит рабочего, которому становится все труднее и труднее дышать.

———O———

Говоря о безработице или о промышленном и финасово-экономическом кризисе, ставшем «притчей во языцех» по своему затяжному характеру и принявшем столь острые формы для многих тысяч тружеников, — нельзя обойти молчанием предшествовавший кризису период «процветания» и не указать на те условия и обстоятельства, при которых «снизошло» на Америку так называемое «PROSPERITY.»

Благодаря хитрой Вильсоновской политике выжидания в 1914-17гг., Америка заняла исключительное место во время Великой Европейской Войны: она стала главным поставщиком орудий самоистре бления для Европы, что сильно способствовало развитию и росту, как военной, так и филлиальных отраслей промышлен ности. В расплату за оружие и амуницию Европа перевозила в Америку свое золото. Перекачивание золота длилось до тех пор, пока Америка не превратилась из должника и кридитора Европы, а затем и в мирового банкира, что сталось значитель но позже.

Выгодное положение поставщика не со всем удовлетворяло американских толстосумов: впереди обрисовывались более бле стящие и еще заманчивее переспективы, когда стало очевидным, что центральная коаляция близка к капитуляции. Поэтому, под давлением заинтересованных групп крупных капиталистов, правительство Вильсона втянуло Америку в европейскую бойню.

Поворот лицом к союзникам и участие Америки в европейском кровоиспускании диктовались выгодами, которые извлекались королями американской военной и филлиальных индустрий. Участие в европейской войне обеспечило Америке право победителя на получение мандатов и контрибуций с побежденных.

Таким образом, исключительное положение страны с ее ресурсами и ловкие, вполне рассчитанные, политические манев

ры правительства Вильсона дали Америке несколько десятков новых миллионеров и способствовали небывалому развитию и росту американской промышленности.

Надо отметить, что в то горячее время жатвы американские заводы и фабрики испытывали затруднения из-за недостаточного количества рабочих и предприниматели прибегали к полицейским мерам вылавливания безработных и праздно шатающихся по улицам людей, устраивая облавы на биллиардные и другие злачные места. Принуждение к труду мелких бездельников показывает, насколько остро и сильно ощущался недостаток в рабочих руках и с какой интенсивностью работала в то время американская промышленность.

Даже переход с военного на мирное производство было не столь острым и болезненным ,как это замечалось в других странах, потому что не все почили на пожатых лаврах военных заказов: более дальновидные промышленники сразу же устремились к завоеванию европейских и других рынков мирным путем— посредством наводнения их своими товарами, пока очухается Европа, представлявшая собою растерзанный вид, с клокочущим человеческим морем и бушующими революционными страстями.

Вся гнетущая и разрушительная тяжесть войны, все ее удары и ужасы пали на Европу. Америка лишь послала в Европу экспедиционную армию, но сама она не перехитрила военных потрясений. Наоборот, за это время Америка укрепилась, приобрела капиталы ,финансовую мощь, а с ними мировое значение и влияние.

Европе нужно было в первую голову очистить свои поля от трупов, востановить разрушенные фабрики и заводы, умиротворить восставшие народы и, наладив мирную жизнь, потом уже приступить к широкому производству, хотя товары нужны до зареза.

Таким образом, вслед за прекращ. военных действий и с окончанием Европейской войны Америка опять оказалась в наиболее выгодном положении, т. е. для американских капиталистов и на этот раз были широкие возможности делать новые миллионы и захватить рынки. Поэтому американская индустрия опять заработала усиленным темпом на мирное производство: опять капиталисты наживали миллионы, а рабочие горбы и мозоли да кусок насущного хлеба.

С течением времени Европа оправилась, восстановила и усилила свое производство. Она не только удовлитворяла свои рынки, но и начала серьезно конкурировать с Америкой, вытесняя ее из выгодных позиций, а вдобавок стала наводнять ее дешевыми товарами, по качеству не уступающим американским.

Американские капиталисты, привыкшие пожинать крупные бариши и чувствовать себя господами положения на мировом рынке, забили тревогу, нажали на соответствующие правящие круги в Вашингтоне и в свет появился , после 15-месячных разглагольствований, новый тарифный закон, направленный к охранению крупных американских трестов.

Закон о новом тарифе имеет в виду покровительство отечественной промышленности. Запрещая ввоз в страну дешевых европейских товаров, стряпчие этого закона надеются на усиление производства таковых в Америке американскими предпринимателями и рабочими, что «поможет» сдвинуть с мертвой точки затянувшийся экономический кризис . Таковы якобы цели тарифа. А на самом деле, это простое пускание пыли в глаза: новый тариф не только не принес какого-нибудь улучшения трудовым массам, но еще более ухудшил их положение, потому что привел к исчезновению с американского рынка дешевых европейских товаров. Товаров же американского изделия имеется на рынке предостаточно, лишь цены на них недоступны, не смотря на всю газетную шумиху, что цены понижены. Буржуазная пресса почему-то замалчивает лишь о том, что цены на рабочие руки крепко понижены.

Обилие товаров и несогласная монопо

лия на них крупных трестов, устанавливающих твердые цены и держащих необеспеченное трудовое население в своих руках, привели Америку к нынешнему финансово-экономическому кризису, к промышленному застою.

Многие крупные предприятия сократили свое производство больше, чем на половину, а о мелких и говорить нечего: они давно закрыты. Но чтобы не создать внезапной катастрофы, большие заводы и фабрики, увольнившие добрую половину рабочих, дают оставленным в своих предприятиях рабам два-три дня работы в неделю и то не полных, п. ч. работающие сдельно, часто бывает, ничего не получают за проведенное на фабрике, заводе и мастерской время.

Для голодающего рабочего день-два работы, дающей хоть кой-какой заработок, лучше, чем ничего, а для архиплутов-капиталистов — это предохранительный клапан, разряжающий тяжелую атмосферу и номинально уменьшающий число безработных.

Путем урезывания заработной платы и предоставления голодающему рабочему двух-трех дней занятий достигаются две цели: во-первых, уменьшается напряженное состояние острого экономического кризиса, принявшего грозные размеры, а во-вторых, те, которые имеют кое-какие сбережения, расходуют их на свое пропитание. Таким образом трудовое население Америки еще более беднеет и нищает, а крупные тузы перекачивают остатки денег в свои бездонные карманы и еще больше тучнеют.

Паллиативные меры, как мелкое вспомоществование, приискание работы, милостыня и подачки, отчасти умеряют недовольство, озлобленность и взрывы негодования, но они не разрешают напряженного состояния между трудом и капиталом, не разрешают кризиса и не устраняют взрыва возмущения.

——О——

В прежние «старые, добрые» времена капиталистические страны в подобных случаях, когда кризис становился грозным и опасным, старались найти выход в войне, которая, по их мнению, «исправляла» положение и давала выгоды: во-первых, большинство товаров употребляется для военных нужд и целей; во-вторых, усиливается военное производство, дающее колосальные прибыли; в-третьих, войною уничтожаются «излишки» населения; в-четвертых, открываются работы по восстановлению разрушенного в странах, разоренных войною; в-пятых, для победителей открываются новые рынки...

Разумеется, времена ныне подлые и опасные: все правители на-чеку и на-стороже, т. е. свежа у них память о недавнем прошлом, постигшех их коллег в 1914-18 гг. Но тем не менее военные авантюры и завоевательные планы стоят у них, если не на первом, то и не на последнем месте. Они очень соблазняют обеспокоенных внутренними неурядицами правителей, попавших в тупик и вожделяющих о расширении своих владений и об увеличении капиталов. И под шумок о «разоружении» все правительства УСИЛЕННО ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ: строятся новые броненосцы, аэропланы, танки, пушки, изобритаются новые удушливые газы и т. д. и т. п.

Над Европой и Америкой сгущаются тяжелые газовые тучи, скопляются туманности, растет напряжение, чтобы в один злополучный момент взорваться. Момент взрыва еще не настал, но он приближается. Война вспыхнет и сразятся еще старый и новый миры. Но пока у правительств идет бешанная подготовка, взвешивания, оценка возможностей. Они остерегаются начать войну, боясь за собственные головы, ибо не знают, как будут реагировать на нее трудовые массы, представляющие собою загадочного сфинкса. Поэтому ВСЕ правители во-всю кричат о мире, психологически подготовляя массы к приятию войны, «если таковая разразиться» не по их, мол, вине. Это у них самое важное, а главное — скрыть концы, запутать и бросить людей друг на друга в об'ятия смерти, стяжая славу себе.

Как известно, войны несут за собою ре

волюции и с этой точки зрения они опасны для имущих и правящих. Вот почему правители на этот счет весьма осторожны. Беспокоит их настоящее и боятся за будущее, поэтому, зайдя в тупик, остановились они в нерешительности. А между тем недовольство в массах растет вместе с напряжением, п. ч. кризис дает себя чувствовать остро в затяжной выжидательности.

Для денежных мешков выжидания эти не только не страшны, но и выгодны, ибо они абсолютно ничего не теряют и не терпят никаких нужд от безработицы: широко удовлетворяют все свои потребности и преобретают капиталец, тогда как трудовое население не только нищает, хуже питается и скромнее одевается, но испытывает разные нужды: бездомничает, голодает и холодает. Но когда у обездоленных и голодных переполнится чаша терпения, последуют взрывы и ныне ропщущие рабы бросятся на своих угнетателей: тогда будет поздно для господствующих исправлять свои «ошибки».

Не все голодающие безвольны и тупы: между ними не мало людей сознательных, знающих причины зла и обладающих наступательной активностью. Они-то нередко выступают с протестами и требованиями, устраивают демонстрации, вызывающие сочувствие со стороны менее решительных. Даже ветераны недавней войны и те начинают прозревать и вполне сочувственно относятся к активным действиям «красных». Они не прочь были пограбить буржуя, еслибы предоставился к тому случай.

Большевики тоже не спят и пропагандируют свои идеи государственного коммунизма, т. е. замену многих хозяев-капиталистов — одним господином-ГОСУДАРСТВОМ. Большевики, несомненно, пользуются **некоторым** сочувствием масс, потому что глодный человек сочувствует всему, что так или иначе может изменить его отчаянное положение.

Уже и теперь не редки столкновения с полицией. Понемногу столкновения эти войдут в привычку и вместе с ожисточением станут обыденным явлением. Убийства также станут заурядными и никого не возмущающими. Людские нервы притупятся и они будут безразличны к убийствам. Человеческая жизнь потеряет свою ценность, хотя всякий и каждый станет цепляться за нее всеми силама и средствами. Самоистребление людей пойдет усиленным темпом из-за обладания предметами первой необходимости: куском хлеба, сапогами, шляпами, тулупами, деньгами, а главным образом, из-за власти — кому судить и рядить, кому править страной?

Будут видвигаться смелые лозунги и программы; люди будут колебаться и шататься между ними, будут убивать и падать жертвами антагонизма. Гражданская война приведет к разрушению хозяйственной жизни в стране, к ее разорению и всеобщему обеднению. И не только огрубеют нравы и одичают люди, но борьба за ВЛАСТЬ породит подозрительность и мщение и приведет к неслыханному террору и зверству. И никакие призывы к благоразумию не помогут. Люди остервенело будут истреблять друг друга и бахвалиться своими «подвигами». Жестокостям не будет границ, как со стороны имущих и правящих классов, так и со стороны угнетенных, которые станут отплачивать угнетателям той же монетой.

Америка стоит накануне великих событий, чреватых своими последствиями. Здесь могут повториться события, происходившие в России во время революции и последовавшей затем гражданской войне. Уже и теперь во многих городах Америки происходят рабочие волнения. Голодающие рабочие и фармеры составляют не малую угрозу правительству и сильно беспокоят его. Конгресс тоже встревожен и производит ассигновки на помощь голодающим, вопреки воли президента Гувера.

——О——

Суммируя общее положение дел в Амеке, приходится констатировать следующие факты:

1. Экономическое положение трудового населения безотрадно,

2. Лопают, как мыльные пузыри, банки; идет перемещение капиталов и консолидация крупных сталелитейных , железнодорожных, электрических и других трестов, т. е. происходит концентрация капиталов, имеющая целью удушение всякаго освободительного или революционного движения и превращения тружеников в бессловесных рабов, беспрекословно исполняющих волю господ капиталистов.

3. Обостряются социальные неравенства и классовая борьба.

4. В области политики капитализм мобилизует и готовится к войне.

5. Небывалый застой в промышленности: с 1914 г. такого еще не было в Америке.

6. Трудящиеся эксплоатируются немилосердно; заработная плата срезана; условия труда чрезвечайно ухудшились; над рабочими всячески измываются.

7. Безработица охватила миллионы тружеников, которые волнуются, демонстрируют, требуют хлеба и сталкиваются с полицией.

8. Мероприятия правительства по борьбе с безработицей: Конгресс вотировал ассигновку на проведение дорог, постройку правительсвенных зданий и на улучшение портов и пристаней с целью дать занятия беззработным; благотворительные организации и комитеты выдают голодающим кофе и еще кое-что и подыскивают работы, что совсем не разрешает экономического кризиса.

В общем положение тревожное, крепнет недовольство, назревают великие события, могущие опрокинуть все вверх дном, когда развернется титаническая борьба между трудом и капиталом. И если события эти произойдут и вспыхнет гражданская война, то борьба будет вестись, главным образом, за захват власти той или иной политической партией под теми или иными лозунгами, включая сюда и лозунги анархические, которыми будут орудовать разные проходимцы и шарлатаны подобно тому, как в 1917 г. большевики употребляли их в России с целью захвата власти в свои руки.

Наученные горьким опытом, анархисты, разумеется, не станут больше поддаваться ложным заверениям политических партий. Их миссия — раз'яснять запутанность, раскрывать авантюры разных подлецов, быть мужественными, последовательными, честными, искренними, проявлять личную инициативу и стоять на страже интересов трудящихся и угнетенных и за торжество справедливости, свободы и равенства в правах.

Дабы анархистов не смешивали с другими, необходимо определить КРАТКО, но понятно и ЯСНО свои позиции, принципы, программу и цели, что поможет трудящимся ориентироваться в политическом хаосе, царящем в рабочих кругах, и взять верный курс на Социальную Революцию.

Побольше света — поменьше жертв.

К. Филиппович.

По Наклонной Плоскости.

В одной из своих предвыборных речей президент Гувер, останавливаясь на все растущем значении экспорта в общем балансе народного хозяйства, дал следующую оценку: «Мы как нация пожалуй, и выжили бы, если бы даже наш вывоз был уничтожен. Но это повело бы за собой резкое сокращение народного дохода и хроническую подавленность во всех отраслях хозяйства». Это утверждение является ни чем иным, как самым непосредственным обобщением того громадного фактического материала, который накопился у Гувера во время его деятельности в качестве министра Торговли и Промышленности, но никакой попытки к более глубокому анализу сил, толкающих американское хозяйство в сторону мирового рынка.

Исследование тенденций современного американского хозяйства вскрыло бы гораздо большую его зависимость от внешней торговли, чем это было установлено Гувером. Оно бы вскрыло закономерность в том изменении самого характера экспорта, о котором столь пишут за последнее время. Из страны сырьевого экспорта Соединенные Штаты все более и более превращаются в страну вывозящую готовые фабрикаты. Хотя пшеница и хлопок являются чрезвычайно важной статьей внешней торговли, однако значение их быстро затьмевается всевозможными фабрикатами, выбрасываемыми американской промышленностью на мировой рынок во все растущем количестве. Последнее обстоятельство является показателем чрезвычайно знаменательного процесса происходящего на наших глазах. Американская промышленность исчерпывает уже возможности внутреннего рынка и, для обеспечения дальнейшего развития она должна все более и более наклоняться в сторону мирового рынка. Продолжающееся сокращение потребительных способностей народных масс с одной стороны и громадный рост производительности хозяйства в целом с другой, уже привели к такого рода «ножницам», какие выявились в автомобильной индустрии.

Производительность последней превышает потробность домашнего рынка на 50%. Такого же рода расхождение, хотя и в несколько меньших размерах, наблюдается и в целом ряде других главнейших отраслей. Расширение, потрибитель. базы своей за счет чужестранных рынков становится, таким образом, чем-то дополнительным, обусловливающим лишь высокие точки под'ема хозяйства, а необходимейшим условием нормального его функционирования. Никакая промышленность не может существовать лишь в половинном размере нормального ее об'ема; к тому же каждая из них обременена всевозможными капитализациями, превосходящими в несколько раз действительную их стоимость. Выход на широкую дорогу мирового рынка и использование его возможностей становится, таким образом, единственным выходом из тупика современного кризиса, в который втягивается американское хозяйство. Это сознают многие видные экономисты, об этом пишут и толкуют в специальной экономической печати.

Но время беспрепятственного развития внутреннего хозяйства за счет мирового рынка уже прошло безвозвратно, Только исключительная ситуация, созданная в первой половине девятнадцатого века, могла обеспечить Англии исключительный хозяйственный рост, опиравшийся на монопольное положение Англии в мировом хозяйстве, как единственной почти индустриальной стране. В настоящее время всякого рода расширительная попытка в эту сторону наталкивается на энергичное противодействие других стран. Начиная с нищенской полуварварской Польши и кончая высоко развитой в индустриальном отношении Англией, — все страны, имеющие мало-мальски значущую индустрию, подвержены тому же болезненному процессу вырождения внутренних тканей хозяйства Все они толкаются основолежащими причинами на путь бешенной конкуренции друг с другом, все они гонятся за призрачным огоньком устойчивостью в хозяйственном развитии, соразмерностью между потребительной базой и расширительными возможностями хозяйства. И каково бы ни было превосходство американской техники (превосходство — явление временного порядка, ибо тайна массового производства быстро перенимаются европейскими странами) расширение хозяйства за пределами охраняемого внутреннего рынка окажется чрезвычайно трудным процессом выталкиванья остальных стран, упрочивших свое положение на мировом рынке. Этот процесс «выталкиванья» втягивает Соед. Штаты в международную империалистическую борьбу и подводит эту страну к краю пропасти, к которой катится современный капиталистический мир.

Яснее всего это можно проследить во взаимоотношениях Соед. Штатов и Англии. Обе эти страны тесно связаны общей культурой, историческими традициями, расовой солидарностью и, несомненно, наростающим общественным движением и

пользу более тесного сближения на политической почве. И тем не менее нет почти ни одной хозяйственной области, в которой интересы этих родственных стран не сталкивались бы самым враждебным образом. В борьбе за овладевание мировым рынком Соед. Штатам приходится в первую голову сталкиваться с Англией, для которой удержание своих позиций — вопрос жизни и смерти. Малейшее сокращение ее экспорта отзывается парализующим образом на целый ряд отраслей хозяйства, усиливая и без того непосильное бремя хронической безработицы. Вот почему, вопреки всем оффициальным речам и заверениям, мирным конференциям и дружественным с'ездам, мы наблюдаем глухую, ожесточенную борьбу за экономическое господство во всех уголках земного шара. На поверхности общественной жизни обеих стран мощные об'единительные тенденции, но в глубинах хозяйственных процессов, скрытых в значительной степени от общественного внимания, ожесточенная, чисто крысиная, грызня, вырывание «лакомых» кусков друг у друга, наступление по всем правилам экономической стратегии Звериный оскал и скрежет зубовный. А ведь, в конце концов, эти глубинные процессы определяют исторический ход событий и в признаки культурного сближения, политических симпатий совершенно развеются и исчезнут перед лицом открывшейся пропасти вырываемой теперь экономическим соперничеством. Когда английский примьер Мак-Доналд посетил Соед. Штаты в прошлом году, общественное мнение обеих стран поспешило истолковать этот необыкновенный политический шаг, как наиболее явный признак растущего единения и согласия во внешней политике обеих стран. И совершенно незамеченным осталось совпавшее с приездом Мас-Дональда сообщение о том, что британская миссия в Аргентине закончила удачным образом свои переговоры с аргентинским правительством, заключив договор представляющий целый ряд льгот британским промышленным и финансовым интересом. Договор этот главным острием своим был направлен против С. Ш., и таким образом он был истолкован аргентинской и местной печатью. Нужно ли обладать особой политической проницательностью чтобы убидиться в том, что удар, нанесенный американской внешней торговле на важнейшем для нее фронте— южно-американском рынке, — окажется гораздо более решающим фактором, чем поповско-благочестивые жесты Мак--Дональда? Какой жалкой и пошлой оказывается вся его политика заговаривания действительной военной опастности пред лицом вырывающихся этих сил, подготовляющих последнюю и увлекающих его на свой роковой путь.

Но экономическая борьба за овладевание южно-американским рынком не единичное явление и не случайный эпизод, приобревшие некий драматический интерес, благодаря совпадению одной из фаз этой борьбы с миротворческой миссией Мак-Дональда. То же самое происходит в Канаде, Китае, Африке и на Ближнем Востоке. Во всех важнейших участках мирового рынка наблюдается то же самое столкновение интересов, что и в Южной Америке. Бесчисленными толчками и судорожными волнениями этот антагонизм интересов передается из периферии к центрам, будоража и нервируя ответственные круги хозяйственной и политической жизни, подготовляя почву для непримеримо воинственного отношения, внезапно выявляющегося на мирных конференциях. Ибо борьба эта ведется не только в одной области торговой конкуренции. Последняя в настоящее время тесно связана с другими формами хозяйственного расширения — контролем сырья, финансовым давлением, экспортом капиталов, преобладанием в области транспорта и средств сообщения и, наконец, политическим влиянием. Вот почему глухая борьба ведущаяся сейчас Соед. Штатами с Англией столь всеоб'емлюща, охватывая все сферы хозяйственной деятельности, выходящей за пределы внутреннего рынка.

Взять например, борьбу за нефть. Широкая публика кое-что знает о мировой конкуренции двух гигантских трестов — **Standard Oil** (американская) и **Royal Shell**

(английская) Но мало кто догадывается о напряжении, какого борьба эта достигла и, об опасности, кроющихся в них. Очень немногие, например, знают о том, что на этой почве уже произошел столь резкий обмен дипломатических нот, что во избежание взбудораживающих их последствий, содержание нот было скрыто от гласности. Момент для разрыва еще не пришел, но такого рода дипломатические поединки являются прелюдией к нему, ибо нефть является в настоящее время насущнейшим продуктом для высоко развитой промышленной страны. Мировые же запасы нефти ограничены, а при отсутствии рационального плана распределения, хищническая борьба становиться неизбежной и сопровождается многозначительным побрякиванием оружия. Рациональный же план невозможен, ибо все наше хозяйство управляется слепыми, иррациональными силами. От них зависит дальнейшее развитие нашей хозяйственной жизни, а выступление их на арену международной борьбы может закончиться только катастрофой. Во внутренней хозяйственной жизни эти силы порождают закабаливанье народных масс, их обеднение, хозяйственное вырождение и безнадежные тупики неразрешимых противоречий, предвестником которых является господствующий ныне кризис. Во внешней же хозяйственной жизни опасность военных взрывов и международных столкновений.

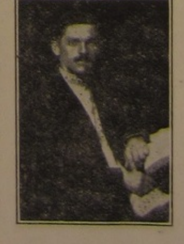
Для той формы экономической сращенности, какую из себя уже представляет современный мир, требуется международная солидарность, **новая** человечность, возвышенные принципы, как основы взаимоотношений. Но можно ожидать новых гуманных принципов в международных отношениях, когда во внутренней жизни господствует волчья мораль? Рвачество, хищничество, безпощадная эксплуатация, открыто санкционируемое и поощряемое жульничество безраздельно господствуют во всех больших и малых клетках хозяйственного организма — от гигантского треста до крохотной лавченки. Нужно ли удивляться, что выступление этих темных, хищнических, анти-общественных сил на международную арену, порождают безконечные политические кризисы? Управляемые собственной логикой развития, эти силы толкают мир по наклонной плоскости к внутреннему загниванию к страшной военной катастрофе, по сравнонии с которой война 14-ого года лишь небольшая репетиция. И Америке придется играть одну из главных ролей в подготовляемой бойне, вопреки благочестивым намерениям, лицемерным конференциям, об'единительным тенденциям, вырывающим ее из состояния культурной одичалости, и вопреки всем действительным и мнимым факторам — кроме одного: воли революционного пролетариата. Ее и надо ковать.

Б—ский

В Защиту Т-ща Франческо Гецци.

Тов. Гецці, итальянский рабочий-анархист, приезжавший в 1921 г. как делегат итальянских профсоюзов на с'езд Профинтерна, арестован в прошлом году вместе с прочими анархистами в Москве. Жизнь его в опасности. Анархисты и рабочие Бельгии, Франции, Германии и др. стран ведут кампанию протестов за его освобождение и выезд заграницу. Международное Товарищество Рабочих обратилось в защиту его со следующим воззванием:

—*ГЕЦЦИ В ОПАСНОСТИ! ПРОТЕСТУЙТЕ! ТРЕБУЙТЕ ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ!*

Секретариат Международного Товарищества Рабочих 14 ноября 1930 г. послал заказным письмом Совету Народных Комиссаров СССР письмо следующего содержания.

Итальянский революционер и анархист Франческо Гецци в 1922 году через советское посольство в Берлине получил разрешение поехать в СССР. Это разрешение бы

ло дано революционеру Гецци, как политическому беженцу, преследуемому итальянским правительством и изгоняемому германским правительством. Своим жестом советское правительство показывало, что все революционное, преследуемое в капиталистических государствах, находит убежище на территории Советской Республики. Гецци воспользовался данным ему правом убежища в СССР. С тех пор — конец 1922 г. — Гецци находился в СССР, где вел жизнь рабочего. В мае 1929 г. тов. Гецци был арестован ГПУ и без судебного расследования этого дола заключен на ряд лет в тюрьму. В настоящее время Гецци находится в суздальской тюрьме. Мы обращались уже однажды к вам с просьбой указать причины, побудившие советскую власть арестовать и держать в тюрьме революционера Гецци. На это наше обращение мы от вас не имели никакого ответа. Ныне мы вновь обращаемся к вам по этому же поводу. Мы просим вас сообщить нам, согласны ли вы дать позволение на приезд в СССР общественному и независимому адвокату — а именно Феодору Либкнехту из Берлина в целях ознакомления с делом Гецци. Мы также просим вас предать дело Гецци публичному суду, на котором защитником Гецци был бы Феодор Либкнехт.

Ведь имеет же в конце концов право международный пролетариат требовать от "первого рабочего государства", как вы называете сами себя, чтобы оно дало отчет перед лицом рабочих масс о действиях своей полиции и суда, которые столь несправедливо поступили с известным пролетарским интернациональным революционером.

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

На выше-приведенное письмо до сих пор не получено никакого ответа. Несколько дней тому назад нами получена из Брюсселя телеграмма от Комитета Защиты Гецци, в которой сообщается, что в последнее время состояние здоровья Гецци в советской тюрьме крайне ухудшилось и есть основания опасаться за его жизнь. Это телеграфное сообщение было затем подробно подтверждено. Секретариат Междун. Тов. Рабочих по этому поводу послал Сталину в Москву телеграмму следующего содержания: — Итальянский анархист Гецци серьезно болен в Суздальской тюрьме. Требуем освобождения и разрешения на выезд. — *Международное Товарищество рабочих.*

Мы не питаем никаких иллюзий на счет того, чтобы эта телеграмма могла произвести какое бы то ни было воздействие на владык, заседающих в Кремле, и побудила бы их освободить революционера-анархиста Ф. Гецци.

Поэтому то особенно необходимо, чтобы весь сознательный международный пролетариат протестовал открыто против злодейства советского правительства по отношению к Гецци и требовал его освобождения.

Лишь благодаря мощному протесту международного революционного пролетариата Гецци может быть освобожден, а его жизнь спасена. Поэтому, протестуйте, рабочие всех стран, за освобождение Гецци и других революционеров, — борцов социальной революции, — которые находятся в тюрьмах и ссылках СССР.

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

Дела Аргентины.

Тюрьмы городские, тюрьмы на островах переполняются товарищами анархистами.

Политические воры, грабители, убийцы посаженные старим правительством Иригожина освобождаются из тюрем новой власти генерала Урубури, а их места заполняются анархистами. Многие тов. пропали, хотя известно, что они были арестованы полицией.

Когда родственики наводят справки, отвечают нет. Во многих случаях книги показывают: „освобожден". Таким образом пропал активный талантливый теоретик анархизма лектор молодой тов. Аладино. В книгах полиции он записан освобожден, а его нет. Тов. Аладино не из тех, который бы спрятался; но если бы это необходимо было сделать для ведения подпольной работы т. т., заслуживающие доверие, об этом бы знали. Тов. Аладина нет. Самые близкие т.т. незнают, что с ним случилось.

Так гибнут сотнями т.т. анархисты.

СПИСОК ДЕПОРТИРОВАННЫХ Т.Т. АНАРХИСТОВ В ИСПАНИЮ.

Партия: Телесфоро Мартин, Мануил Сервино, Пабло Герреро, Рогелио Лопез, Мануил Гонзалес, Томас Фрайел, Франциско Диаз, Жосе Боррого, Мануил Ортега.

Эти товарищи в числе которых 4 находились в карцере под охраной аргентиской полиции были сняты на свободу в Монтевидео из парохода „Компания" товарищами комитета защиты и солидарности гонимых анархистов из Аргентины, в котором принимал участие и Симон Радовицкий.

Из парохода „Вюртембер" в Испанию: Теофанес Собрино, Джордж Рэй, Мануил Бритос, Рамиро Мендез, Антонио Родригвез, Аврело Гернадез, Силвестр Анфосси;

Пароход „Дулио" во Францию и Италию: Джулио Стефани, Антинори Пелатели, Анфосси.

Пароход „Конте Россо" в Италию: А. Милиси, Н. Пастарино, Е. Ф., Ди Роза, Луис Секшини. Все они освобождены Комитетом в Мон.

Пароходы: „Дженерал Белграно" и „Кеп Порте" сопровождались военным пароходом далеко от берегов уругвайской республики и таким образом депортированы в Испанию следующие товарищи: И. Гарша, Томас, Эдуардо Вазкуез, Джосе Масерна, Джосе Фернадез, Серґио Верела, Бенито Аргибай, Гонзалез Алберти. Эти

товарищи, послучаю революции в Бразилии, освободились в Сантосе и вернулись в Монтевидео.

В Италию на „Конте Ворте“ депортиров. Туми Кардамони, Лино Барветти.

РЕСПУБЛИКА УРУГВАЙ.

Организовался комитет борьбы против милитаристской деспотической власти Аргентины и предвидимой опасности установления милитаристской власти в Республике Уругвай.

1. Комитет вменяет в свою обязанность следить шаг за шагом за подготовкой диктатуры милитаристов.

2. В момент желания милитаристами установить свою диктатуру, об'явлена будет генеральная забастовка, которая не прекратится до полного уничтожения опасности со стороны милитаристской тирании.

3. Комитет ведет усиленную агитацию за борьбу против всех форм политических диктатур до полного завоевания независимости трудящихся масс.

Лозунги: Долой Тиранию!

Да здравствует Генеральная Забастовка!

Эти лозунги поддерживают следующие организации.

1. Ф. О. Р. У. Федерация Труда Уругвай.
2. Об'единенные Союзы синдикалистов Уругвай
3. Союз об'единенных автомобильных рабочих.
4. Союз выработки железа и железо-кузнечных инструментов.
5. Союз Кузнецов.
6. Об'единенные союзы поваров, помощников и черно-рабочих.
7. Об'единенные союзы гравир. клише и печатников.
8. Союз по выработке каменного паркета.
9. Водопроводчиков.
10-11-12. Союзы Пекарей Республики (3 союзы).
13. Союз по проводке парового отопления.
14. Союз выработки каменных и погребальных монументов.
16. Центро культуры женщин.
17. Самосостоятельные Союзы (их в Ю. А. больше всех)
18. Группа Анархистов, говорящие по итальяски (они не признают другого звания).
19. Группа - - -прогресс.
20. Центр Студентов.
21. Группа Уверенность.
22. Фед. Университетских академиков.
23. Фед. Об'ед. Студентов провинциальных гор. Республики Уругвай.
24. Фед. Студентов Науки Юриспруденции.
25. Фед. Русских Рабочих Организаций.
26. Об'единение Анарх. групп борьбы за прогресс.
27. Союзное Об'единение известки и глины.

М. Закованный.

Буэнос Айрес.

---

749 Конференций Мира, а Мира Все Нет.

Американский публицист Иви А. Ле в Нью-Иорке вычислил, что за последние 90 лет имели место 749 мирных конференций.

Оне не предотвратили ни крымской кампании (1856 года), ни франко-прусской, ни русско-японской войн, ни, наконец, побоища 1914-1918 г.г. бессилие их в настоящее время очевидно. Вот статисика этих конференций. С 1840 до 1849 г.г. состоялось 9 мирных конференций; 1849 до 1859 — 20; с 1859 до 1869 — 143. В 1907 г. число их упало за десятилетие до 70, и, повысилось до 140 в 1917 году. В 1927 г. их насчитывалось 367, т. е. конференция имела место каждый день даже в воскресные дни.

Эти цифры демонструруют немощь пацифизма. Есть одно средство: пролетарский антимилитаризм, часть пролетарской классовой войны, вне государства и партий.

Отчеты.

ОТЧЕТ СЕКРЕТАРЯ.

8-го октября от филадельфийской группы поступили деньги: на газету „Анархия“ 10 д. 25 с., за газету „Анархия“ и за „Декларацию“ 3 д. 55 с.. за журнал „Дело Труда“ 2 д. 70 с. всего 16 д. 50 с.

От союза Росс. Тружеников гор Монтреала на „Дело Труда“ 5 д. на газету „Анархия“ 9 д. От группы города Сантлуиса на газету „Анархия“ 7 д. 50 с, От Прогресивного клуба на газету „Анархия“ 2 д.

Секретарь Федерации.

ОТЧЕТ РЕДАКЦ. КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ ЖУР. „ДЕЛО ТРУДА“ №60-61 ЧИКАГО.

Приход	$	¢	Расход	$	¢
Циркуляция	128	60	Типография	135	00
Мес. взносы	9	00	Экспидиция	13	27
Добров. пожерт.	3	27	Мелкие расход.	2	50
Итого	140	87	Итого	150	77

Расход 150.77 — Приход 140.87 — Дифицит 9.90

Товарищи!

Обратите особое внимание на финансовую сторону журнала.

Ред. Коллегия.